

Ф. ШИЛЛЕР

ГЕТЕ В ЗАПАДНОЙ КРИТИКЕ

Интерпретация творчества какого-нибудь писателя в классовом обществе является всегда интерпретацией классовой. Сколько бы буржуазные литературоведы ни прикрывались «объективностью» науки, сколько бы ни обвиняли именно марксистов в «тенденциозности» подхода к Гете—классовый характер их трактовки Гете обнажается слишком ярко, и многие из современных буржуазных исследователей творчества Гете уже не считают нужным набрасывать на свои работы какой-либо «объективный» покров. Об этой чрезвычайной классовой заостренности изучения Гете как нельзя лучше говорит вся ненаписанная еще и с т о р и я г е т е в е д е н и я; она ясно показывает, как на различных фазах развития буржуазного общества различные группировки буржуазии по-разному относятся к Гете, как они то отрицают его, то, наоборот, опираются на него и—в зависимости от своих классовых нужд—культивируют то регрессивно-феодалные элементы двойственного мировоззрения Гете, то его прогрессивные стороны. Для всего не-марксистского гетеведения характерна именно эта односторонность интерпретации, неспособность охватить всю противоречивость творчества Гете, и по мере превращения буржуазии из класса прогрессивного в реакционный эта интерпретация приобретает все больше и больше характер и с т о р и ч е с к о г о и с к а ж е н и я подлинного, целостного Гете: буржуазия вкладывает в творчество «своего гения» то, что ей нужно в данный момент для борьбы с рабочим классом, она «воскрешает» Гете в «обработанном» виде, вытравив из его творчества все революционное, чтобы прикрыть свою реакционную сущность авторитетом «величайшего немца». Вся история буржуазного гетеведения есть прежде всего собрание ряда «легенд» о Гете, «легенд», сплетенных для удовлетворения насущных задач буржуазии; вся литература о Гете—в сущности—борьба за Гете или п р о т и в Гете; она является ярким и интересным документом б о р ь б ы к л а с с о в в литературной критике. Буржуазное гетеведение как в зеркале отражает историческую кривую развития буржуазии.

В рамках настоящей статьи нет конечно никакой возможности дать обзор в с е й литературы о Гете. Поэтому здесь главный упор будет сделан на последние два десятилетия (начиная приблизительно со времени мировой войны), т. е. на литературу, наиболее ярко отражающую «обработку», продельваемую ныне буржуазией над творчеством Гете, чтобы использовать его в поисках выхода из глубокого идейного кризиса обреченного на гибель класса и для борьбы с надвигающейся социальной революцией; кроме того мы не будем принимать во внимание огромной массы работ ч и с т о биографического и историко-филологического характера. Оставлены в стороне также «научные труды», носящие скорее курьезный характер и лишний раз свидетельствующие только о вырождении буржуазной науки о литературе (например исследования, о значительности которых можно судить по самим заглавиям: «Гете как техник водных сооружений», «Гете и состояние его зубов», «Гете и частное домовладение», «Гете и автомобиль» и т. д. и т. д.). Пришлось отказаться также от иногда не лишенных интереса работ, которыми особенно изобилует текущий юбилейный год: о связи Гете с определенными странами, городами, местностями, лицами и т. д. При выборе литературы для данного обзора мы преимущественно ограничивались, во-первых, книгами и статьями о мировоззрении Гете, нагляднее всего вскрывающими классовую сущность изучения и понимания творчества Гете на Западе за последние десятилетия, и во-вторых, немногочисленной литературой о нем, рассматривающей серьезные проблемы художественно-теоретического характера. Но для лучшего уяснения интерпретации Гете современной буржуазией необходимо хотя бы в конспективной, сжатой форме дать основную линию развития гетеведения в XIX в. и до мировой войны.

Борьба вокруг Гете разгорелась еще при жизни поэта. После победы Священного союза над Наполеоном наступила эпоха «органического» роста капитализма. Гете, примирившийся с действительностью, восхищался прогрессом производительных сил. Вторая часть «Фауста» проникнута пафосом строительства капитализма послереволюционного периода, хотя его автору и ясны отрицательные черты буржуазной цивилизации. Постепенное, эволюционное, но неудержимое движение вперед—вот евангелие старого Гете. И каким бы умеренным и буржуазно-ограниченным ни было его понимание общественного прогресса, он все же наряду с Гегелем являлся одним из гениальнейших идеологов восходящего бюргерства и потому оставался равнодушным к лозунгам тевтоманов 1813 г.

Вследствие этого оппозиция против Гете образовалась как у «верных христианству германцев» и «романтиков-реакционеров», так и в среде «ублюдочных либералов», мечтавших в своих тайных обществах «о германском императоре в короне и порфире со скипетром и со всеми остальными атрибутами власти... императоре, окруженном собранием сословий, между которыми духовенство, дворянство, мещане и крестьяне распределены надлежащим образом» (Энгельс). «Из «романтиков-реакционеров» Фридрих Шлегель, бывший почитатель Гете, после своего перехода в лоно католической церкви мечет громы и молнии против него, а другой реакционный критик, Франц фон Шпанн, видит в нем дьявола и... плохого поэта. Образуется целая компания «борцов против Гете» из представителей консервативного мещанства и дворянства (Коцебу, Мерк, Мюльнер, Шюц, Пусткухен, Геррес, Гловер, Кнапп и мн. др.); она занимается систематической травлей «невозмутимого олимпийца» из политических и национал-шовинистических, то из религиозных соображений»¹. Так П у с т к у х е н пишет пародию на «Вильгельма Мейстера» и считает Гете представителем безнравственного времени: «Я обвиняю именно Гете больше, чем всех остальных, потому, что он не признает истинно немецкой сущности, что он является лишь представителем дурной, бесформенной, распушенной новейшей эпохи, но не первоначального немецкого духа... И поэтому также я убежден, что всякий, кому еще дорого немецкое искусство, должен быть непримиримым врагом гетевской поэзии». Ф р и д р и х Г л о в е р в своем памфлете «Гете как человек и писатель» говорит о «Вильгельме Мейстере»: «Эта вещь не может понравиться ни одному порядочному человеку, так как скотина тыкалась в нее своим грязным рылом». Но знаменосцем всей этой антигетевской кампании стал небезызвестный критик и... полицейский доносчик Вольфганг Менцель; его журнал «Europäische Blätter» (особенно 1824—1825 гг.) сделался плацдармом антигетевских выступлений. Гете для Менцеля—олицетворение всего антинационального, антихристианского и аморального. «Гете,—пишет он,—плыл всегда по течению и всегда, как пробка». Поэт был для него воплощением «оженственной расслабленности»... «Гете для Германии был внутренней, расслабляющей, разлагающей силой, работавшей наруку внешнему врагу, и а щ и м з л ы м г е н и е м, который помощью фантастического эгоизма, наслаждений иллюзиями и самообоготворения отвлекал нас от мысли о потере религии, родины и чести». Он даже грозил написать историю немецкой литературы без упоминания имени Гете, а в вышедшей в 1827 г. первом издании «Истории литературы» пишет о «Фаусте»: «Если Фауст заслуживает царства небесного за то, что он соблазнил и бросил Гретхен, то каждая свинья, валяющаяся на цветочной грядке, достойна быть садовником».

Но уже при жизни поэта возникает и тот «культ Гете», который так пышно расцветает позднее. Не говоря уже о ранних романиках, Ал. фон Гумбольдте и первых «истолкователях» сочинений поэта—К. Ф. Каннегисере и Эккермане, в противовес антигетевской кампании, которую всегда и с исключительной яростью поддерживала вся церковная реакция (особенно Генгстенберг с его «Evangelische Kirchen Zeitung») очень рано, в 20—30-х гг., образовались также гетевские «общины», состоявшие главным образом из эстетствующих литераторов-индивидуалистов, ученых и мещан. Доводили до абсурда этот «гетевский культ» «общины» в Веймаре и Берлине (Мориц, Варнгаген фон Энзе, Рахиль Левин, Генриэтта Герц, Беттина фон Арним и мн. др.). Критик О. Л. Вольф говорит об этих «кружках» и «чаепитиях»: «Когда Гете хихаёт, то весь Веймар кричит: «Будьте здоровы!» А Гейне называет Варнгагена «наместником Гете на земле» (игра слов: «Goethe» и «Gott»)». Также рано начинается и толкование творчества Гете за пределами Германии, как то показывают известные работы Карлейля в Англии и Альберта Штапфера и Ж.-Д. Ампера во Франции.

Не нужно думать, что эти «защитники» Гете дают правильный анализ творчества своего «героя»: как мещанские его интерпретаторы, так и эстетствующие литераторы из цеха ученых вкладывают в него именно то, что им выгодно. Так консервативно-филистерский критик К. Шубарт в своих двух книгах³ знает только тривиальную оценку

«гениально, классически, свято». Характерно, что уже Шубарт ставит антиреволюционную «Побочную дочь» Гете выше «Фауста». Другой тогдашний «почитатель» Гете К. Ф. Гешель ⁴, «ортодоксальный» гегельянец, продельывает симптоматическую «операцию» с творчеством Гете, предвосхищающую многочисленные попытки современных буржуазных критиков: он в противовес церковной реакции, видевшей в поэте «антихриста» и «аморального» человека, превращает «язычника» Гете в «религиозно-верующего христианина» и с небывалой ловкостью рук устанавливает в качестве «фундамента» всей «культуры Гете»... б и б л и ю. Характерно также для Гешеля (как и всего буржуазного гегелевдения XIX в.), что он при всем усердии истолковать метафизически гегелевское творчество совершенно беспомощен в истолковании «Вильгельма Мейстера» и «Фауста».

Можно еще упомянуть о том узко филистерском «культе Гете», который также берет свое начало еще при жизни поэта и особенно усиливается после его смерти в связи с опубликованием его писем, разговоров, воспоминаний и всяких «реликвий Гете»,—культ, который силен также и ныне и который не умрет, пока живет мещанство. Этот культ состоит в том, что филистер имеет «своего Гете» в золотообрезных переплетах в шкафу (но не читает его); что для его надобностей фабрикуются трубки, разрезные ножи со скульптурной головой Гете, что везде и всюду в его доме встречаются гравюры на гегелевские темы и изречения из Гете. Сам великий поэт издевался над такого рода «культом», говоря:

Nun ich hier als Altmeister sitz,
Rufen sie mich aus auf Strassen und Gassen,
Zu haben bin ich wie der alte Fritz
Auf Pfeifenköpfen und Tassen.

«Тевтоманская» оппозиция против Гете имела своим исходным пунктом «германско-христианские» воззрения. Но вот в конце 20-х и в начале 30-х гг. выступает мелкобуржуазно-радикальная оппозиция во главе с Людвигом Берне. Берне был безусловно честным, но узко ограниченным радикалом. Для него как для бойца-революционера, признающего лишь насквозь тенденциозное искусство, ставящего политическую цель-устремленность на первое место, идущий на компромисс, солидный и примирившийся с действительностью Гете был только тормозом в развитии бюргерской Германии. Толкование творчества Гете, данное Берне, становится руководящей нитью для писателей «Молодой Германии»: он признает лишь Гете-бунтаря, автора «Гецца», «Вертера» и «Эгмонта» и отрицает Гете-классика, Гете-«примиренца». Для него Гете—огромная тормозящая сила, он темное бельмо на глазу Германии, он «мог бы быть Геркулесом и очистить свою родину от великой грязи, но он только достал для себя золотые яблоки Гесперид и, сев затем у ног Омфалы, остался там ручной, терпеливый, беззубый гений». Узколобый радикал Берне совершенно не понимает того громадного исторического значения, какое имели классическая немецкая литература и философия для развития буржуазии, и тех специфически немецких социально-политических условий, в которых эти литература и философия возникли и вынуждены были развиваться. Он называет Гете «рифмованным», а Гегеля «нерифмованным» холопом.

По стопам Берне, как уже отмечено выше, пошли писатели «Молодой Германии». Они—идеологи либеральной буржуазии—боролись против всякого политического застоя, проповедывали, что младогерманская поэзия должна стать пламенным протестом против сословного и феодально-бюрократического государства, педантичности науки, фантастики, угнетения, дворянских привилегий, романтизации и идеализации средневековья, что цель поэзии—не красота, а служение политике, свободомыслию, умственным и социальным интересам; понятно, что для таких писателей был еще приемлем Гете-бунтарь, но во всяком случае не Гете-классик. И действительно Карл Гуцков ⁵, глава этого движения, питает большую любовь к м о л о д о м у Гете ⁶, но отвергает п о з д н е г о Гете и особенно вторую часть «Фауста» и «Вильгельма Мейстера». То же самое мы наблюдаем у Л. Винбарга, Т. Лаубе, Т. Мундта и Г. Кюне ⁷. Но насколько сами младогерманцы, с другой стороны, узко филистерски подходили к творчеству Гете в целом, об этом свидетельствует например оценка Т. Кюне второй части «Фауста». Он пишет: «Музой поэта овладевает лень, отказывающаяся от сюжета, от жизни, даже от мысли о реальном. Дряблая ирония уничтожает живой интерес произведения, и там, где герой легенды после разрешения метафизических и средневеково-античных жизненных отношений должен был бы сделаться Фаустом нашего времени, поэзия оказывается несостоятельной. Фауст уходит от общественной жизни и обращается к экономически-буржуазной деятельности. Какая слабость мысли! Какая измена народу! Какой отказ от выявления всемирно-исторической истины на основе национальных интересов!» «Штурмующий небо» Фауст должен «удовлетвориться работой мостильщика улиц и пахаря».

Здесь Кюне совершенно не понял того исторического сдвига в развитии буржуазии, который начался после 1814 г., когда вслед за политическим пафосом Великой французской революции наступили «будни» капиталистического общества, сдвига, без которого нельзя уяснить себе второй части «Фауста».

Особняком среди толкователей Гете в 30—40-х гг. стоит Гейне; он как наиболее дальновидный поэт тогдашнего немецкого бюргерства прекрасно понимал историческое, революционное значение немецкой классической литературы и философии. Односторонняя трактовка Гете Людвигом Берне послужила, как известно, одной из причин полемики и ссоры между Гейне и Берне. Отношение Гейне к Гете прежде всего двойственно: он ценит в нем все прогрессивное, «языческое», гениальное художественное. Как политический борец, гениальнейший сатирик и революционный поэт немецкого восходящего бюргерства Гейне—за Гете-бунтаря и против Гете-примиренца, «холопа аристократии»; как беспощадный критик существующих порядков, с которыми Гете примирился, Гейне видит в Гете человека, презирающего свою эпоху. В 1827 г. он пишет о Гете:

Girre nicht mehr wie ein Werther,
Welcher nur für Lotten glüht—
Was die Glocke hat geschlagen,
Sollst Du Deinem Volke sagen,
Rede Dolche, rede Schwerter.

Гейне резко выступает также против позднего Гете-примиренца, «министра, сглаживающего, затушевывающего», «слабого, отжившего свой век бога, раздраженного тем, что он не может больше творить», «представляющего теперь собой только здание, в котором некогда цвело великолепие». «Бедный старик-поэт в безотрадной своей наготе похож на виноградные лозы, которые мы видим зимою на холодных холмах, сухие и безлиственные, дрожащие на ветру и покрытые снегом, в то время как сладкое сусло, выжатое некогда из них, согревает в самых отдаленных странах сердца кутил, в упение восхваляющих виноградники». Стиль Гете он сравнивает «с процессией королевских экипажей», а про вторую часть «Фауста» говорит, что у нее «паралич поясницы». С другой же стороны, Гейне жестоко высмеивает антигетевские походы «немецкой национальной ограниченности» Менцеля и «плоского пиэтизма». Он должен стоять за великого язычника *quand même*. Все эти Пусткухены, Менцели, Николаи и т. д. принимают, по его мнению, «действительных великанов за ветряные мельницы», и он, Гейне, всегда будет принадлежать к «гетевскому добровольческому отряду». Гейне таким образом выступал против «гетеедов» как из лагеря национал-тевтонцев Менцеля, так и из лагеря радикалов Берне. «Не было недостатка,—пишет Гейне о Гете,—в оппозиции, озлобленно бушевавшей против Гете, этого великого дерева. Староверы, ортодоксы сердились за то, что в стволе великого дерева не было алтаря с иконкой, нет, там даже колдовали обнаженные языческие дриады. И подобно святому Бонифацию, они охотно срубили бы освятенной секирой этот старый волшебный дуб. Нововер же, приверженцев либерализма, сердило то, что это дерево невозможно использовать как дерево свободы, или, в крайнем случае, для баррикады. Дерево действительно было слишком высоко, нельзя было нацепить красный колпак на его верхушку и танцевать под ним карманьолу. Широкая публика преклонялась перед этим деревом именно потому его независимостью и величием, тем, что оно так прекрасно наполняло весь мир своим благоуханием, что его ветви возносились к небу так роскошно, что звезды казались лишь золотыми плодами великого чудного дерева».

В этой оценке Гете видна вся индивидуалистически-эстетская сущность мировоззрения Гейне, и именно в этом вопросе у него никогда не было двух мнений о Гете.

Иначе к оценке Гете подошли те идеологи буржуазного либерализма 30—40-х гг., которые на практике осуществляли строительство буржуазного общества. Уже Гегель в своих лекциях об эстетике выдвигал мысли о неизбежности упадка искусства с развитием капитализма, противопоставлял жизненную прозу эстетическому бунту против действительности и считал возврат к поэзии регрессом в сравнении с уже пройденным этапом развития человечества. Маркс называет этот этап «эрой прозаического осуществления политического просвещения, которое раньше хотело превзойти самого себя, которое утопало в преувеличениях». И вот Г.-Г. Гервинус, представитель этого либерально-буржуазного «просвещения» 30—40 гг., в 1836 г. в своей статье «Гетемания нашего времени» выступает против филистерского «культа Гете» и в своей пятитомной истории немецкой поэзии (1835—1842), воздавая должное прогрессивным идеям Гете,

ГЕТЕ

Портрет маслом Ф. Ягемана (Веймар, июнь 1806 г.)
Landesbibliothek, Веймар

рассматривает классическую литературу как завершение всякой литературы вообще. Исходя из «прозаических» задач, стоящих перед буржуазией на данном этапе ее развития, он требует, чтобы поэзия, раньше служившая «гармоническому воспитанию человека», теперь уступила место «политическому воспитанию общества в духе государственности Гегеля». Писатель, по мысли Гервинуса, должен стать политическим борцом, и поэтому Гервинус резко критикует Гете за его уход от действительности в «мир идей» во время борьбы Германии с Наполеоном за национальную независимость. Требование своего класса он формулирует в словах: «Борьба искусств уже закончена, теперь мы должны поставить пред собой другую цель, которая у нас не находит еще приверженцев, хотя и здесь Аполлон дарует славу, в которой он не отказывал там». Понятно, что творчество Гете мало говорило классу, окунувшемуся в чистый «практицизм» капиталистического строительства, враждебному некоторым сторонам духовного творчества и прежде всего поэзии; это творчество мало говорило классу, считавшему «борьбу искусств» законченной.

С другой стороны, немецкое мещанство и его идеологи в 30—40-х гг. продолжали «почитать» и «обрабатывать» Гете по-своему. Классическим примером такого мещанского понимания является книга одного из вождей немецкого «истинного социализма» — Карла Грюна⁸. Об этой книге Энгельс пишет в своем письме Марксу от 15 января 1847 г.: «Грюн восхваляет всякое филистерство Гете как человеческое, он превращает франкфуртца и чиновника Гете в «истинного человека», между тем как все колоссальное и гениальное он обходит или даже оплевывает до такой степени, что эта книга представляет блестящее доказательство того, что человек равняется немецкому мещанину». Книжке Грюна было суждено сыграть историческую роль в том отношении, что Маркс и Энгельс, только что закончившие теоретическое оформление диалектического материализма, в большой статье об этой книге в «Немецко-Брюссельской газете» впервые в истории литературной критики дали гениальный анализ двойственности мировоззрения и творчества Гете. Эта оценка Гете, данная Энгельсом, легла в основу дальнейшего изучения творчества «величайшего немца» представителями диалектического материализма.

II

Время обостренной политической борьбы буржуазии с феодализмом в домартовское время и в период революции 1848/49 г. было временем наибольшего упадка популярности Гете. Столетие со дня рождения поэта в 1849 г. прошло почти незаметно в разгаре оргий контрреволюции во всей Европе, и лишь отдельные литературные кружки устраивали скромные юбилейные чествования памяти Гете.

Но вот немецкая буржуазия из страха перед рабочим классом вступает в компромисс с реакцией и отказывается от активной политической и идеологической борьбы

с юнкерством и бюрократическим государством. Примирившиеся буржуа, развивающие капиталистическое производство и умножающие свои богатства, жаждут наслаждения и создают себе в писателях так называемой мюнхенской школы (Боденштедт, Гейбель, Гейзе и мн. др.) литературу эстетствующего эпикурейства; течение это считает произведение тем художественнее, чем дальше оно отстоит от актуальных вопросов дня. Буржуазия теперь смотрит на творца «Фауста» и «Вильгельма Мейстера», как на мечтателя и чудака, и лишь такие его произведения, как «Западно-восточный Диван», находят у них некоторый отклик. И когда с наступлением «либеральной эры» в 1858 г. политическая жизнь в Германии снова оживляется и развивается пропаганда за национальное объединение,—кумиром буржуазии, идеалом и передовым борцом становится не Гете, а Шиллер. В него она вложила именно все то, к чему стремилась, в нем, ей казалось, нашла она те идеи, которые ее волновали. Шиллер, а не Гете, был провозглашен—особенно во время празднования столетнего юбилея его рождения в 1859 г.—либеральным, национальным и идеальным поэтом. При этом буржуазно-либеральные критики с презрительным пожиманием плеч игнорировали как раз юные, революционные драмы Шиллера периода «бури и натиска»; их также не особенно увлекали его мощные драмы позднего периода: их привлекало в Шиллере то, что Геббель называет «неопределенно-расплывчатым» и «немецким национальным характером». Плоскому либерализму буржуазии, лизавшей сапоги юнкера Бисмарка, пришла по вкусу «Песнь о колоколе»; особенно же нравились выступления Шиллера против Великой французской революции, маркиз Поза с его бесплодными разглагольствованиями и пошлым пафосом и главным образом то возвеличение «идеализма» над материализмом, которое она приписывала творчеству Шиллера, и те идеи «национального единства», которые якобы сделали этого писателя глашатаем национального движения 50—60-х гг.

Но и после объединения Германии в 1871 г. у немецкой буржуазии не оказалось предпосылок для действительного понимания творчества Гете. На протяжении всей второй половины XIX в., после революции 1848 г., вплоть до наступления эпохи империализма, буржуазная Германия увлекается Шиллером лишь в такой мере, в какой вообще можно говорить об у м с т в е н н ы х интересах буржуазии в этот период, особенно в период 1870—1885 гг. Блестящую характеристику разложения и упадка историко-теоретических интересов в буржуазном обществе Германии той эпохи дал Энгельс в «Людвиге Фейербахе»: «Немедленно после революции 1848 г. «интеллигентная» Германия распрошталась с теорией, взявшись за практическую деятельность. Основанные на ручном труде ремесла уступили место настоящей крупной промышленности. Германия снова появилась на мировом рынке: Новая малогерманская империя (1871 г.) устранила с пути этого развития по крайней мере самые вопиющие из тех препятствий, которые создавались существованием множества мелких государств, остатками феодализма и бюрократией. Но по мере того как спекуляция, покидая кабинеты философов, воздвигала себе новый храм на бирже, интеллигентная Германия забывала великий теоретический интерес, составлявший немецкую славу даже во время самого сильного политического упадка». И если Германия тогда была еще на высоте в области естествознания, то, «что касается исторических наук, до философии включительно, здесь вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося исследования. Его место заняли бессмысленный эклектизм, заботы о доходных местечках, об успехах по службе и даже самое низкое лакейство». Именно в этот период, во второй половине XIX в., буржуазия создавала для себя образ Гете—н е в о з м у т и м о г о о л и м п и й ц а, аполитичного поэта-эстета; она трактовала его биографию, его творчество, его отношение к правительствам и обществу своего времени под углом зрения «идеального» бюргера, спокойного, уравновешенного. Буржуазия периода господства вульгарного материализма, грюндерства и плоской эстетики наслаждения сделала из Гете «вечный» идеальный тип поэта, который, «раскаившись» в устремлениях эпохи «бури и натиска», следовал якобы с ясным, неомраченным челом по избранному пути без внутренней борьбы и противоречий. Образ Гете, созданный либеральной буржуазией и мещанством эпохи грюндерства,—это старый «олимпиец» с орденом на груди, поэт, защищающий порядок, безмятежный, самодовольный. Конечно и тогда не было недостатка в травле Гете со стороны церкви и наиболее реакционных слоёв Германии, видевших в нем воплощение атеизма и материализма, как не было недостатка и в узколобых, взбесившихся «ультралевых» мещанах, ругавших его за «аристократическое холопство». Но все же основная линия интерпретации его творчества в это время—«олимпийство».

В связи с господством позитивизма в буржуазной философии и с решающим влиянием историко-филологической школы в литературной критике и литература о

Гете данного периода принимает типично историко-биографо-филологическую окраску: творчество Гете было отдано в руки педантичным искателям всяческих филологических и текстологических деталей,—это время основания и расцвета «Goethe-Philologie». Обычно различают два этапа в развитии гетеведения подобного типа: более ранний, представленный главным образом в работах Генриха Дюнцера, и более поздний, возглавляемый историко-филологической школой Вильгельма Шерера.

Имя Д ю н ц е р а вошло в историю как синоним мелочного, педантичного букв�едства в литературной науке. Его совершенно не интересовали ни мировоззрение Гете, ни художественные или политические его взгляды, ни вообще проблемы литературы и искусства; в своих многочисленных статьях и книгах о Гете, начиная с 1836 г. («Faust in seiner Einheit und Ganzheit wider seine Gegner dargestellt») и кончая его большой работой о Гете, изданной в 1880 г., он применяет только один метод: голое изложение содержания сочинений Гете и хронологическое жизнеописание поэта от колыбели до могилы. При этом он настолько теряется в деталях, что квинтанция о сдаче белья Гете в стирку приобретает значение факта исключительной важности в его глазах.

«Goethe-Philologie» как научно-текстологический подход к творчеству поэта также берет свое начало в 60—70-х гг. Берлинский издатель Густав Гемпель, выпустивший в 1868—1879 гг. собрание сочинений Гете, привлек к работе ряд филологов (Г. фон Ленера, В. фон Бидерманна, Г. Дюнцера, Калишера, Фр. Штрельке и др.) и положил этим изданием начало столь характерному для буржуазной Германии длившемуся многие десятилетия историко-филологическому изучению Гете. В. Ш е р е р в своей статье «Goethe-Philologie» 1877 г. в журнале «Im Neuen Reich» подытожил требования этой «науки», сводящиеся в основном к «выяснению деталей и хронологии». С этого времени «научным» гетеведением считается выяснение всех биографических, хронологических и филологических подробностей произведения, установление срока написания, комментари к «неясным» местам, объяснения встречающихся намеков, аллегорий и т. д. и т. д. Но при всей мелочности, ограниченности и педантичности за этой «Goethe-Philologie» нельзя не признать крупных заслуг в деле собирания материалов и издания научно-проверенных текстов Гете. Вскормленные филологическими школами А. Бека, К. Лахманна, Мюлленгофа и Морица Гаупта эти «гетеведы» накопили материал, на основании которого можно было приступить к огромному академическому веймарскому изданию сочинений Гете (так называемое Sophien-Ausgabe); первый том этого издания вышел в 1887 г., а последний—уже после войны (всего оно насчитывает 143 книги); этот капитальный труд незаменим для всякого, приступающего к научному исследованию всего творчества Гете в целом.

В этот период педантического букв�едства, биографо-филологического копания в деталях и мещански-ханжеского «культа Гете» лишь отдельные писатели прогрессивной буржуазии продолжали ценить Гете по-иному. Так например, Готфрид Келлер пишет по поводу этого культа: «В культе Гете есть особый вид ханжества, который поддерживается действительными, а не представляющимися таковыми филистерами, vulgo профанами. Во всех разговорах господствует священное имя, всякая новая статья о Гете встречается аплодисментами, его же самого больше не читают, и т. д. Такое состояние отчасти превращается в трусливую глупость, но, с другой стороны, как и религиозное ханжество, оно служит для прикрытия различных человеческих слабостей, которых не следует показывать». В то же время наиболее реакционная буржуазия, и особенно церковные круги, попрежнему считают Гете представителем «язычества», лишенным морального чувства исчадием ада, и отвергают его. Программной книгой для католических кругов (партия центра) например на целые десятилетия стал трехтомный «труд» иезуита Александра Баумгартнера⁹, жалующегося на «безнравственность» сочинений Гете, ибо «он был решительным язычником как в искусстве, так и в жизни» (особенно достается «Римским элегиям»).

Подводя краткий итог изучению и толкованию Гете буржуазией доимпериалистического периода, можно охарактеризовать этот метод изучения как эмпирически-филологический, как метод «чистого позитивизма». Известный буржуазный гетевед лейпцигский профессор Г. В и т к о в с к и й называет почитателей Гете в эту эпоху «тихой общиной», а их метод истолкования—«благоговением перед мелочами» и пишет: «XIX век видел в нем преимущественно черты поэта, полного античного величия, достигшего гармонического спокойствия. Высочайшими достижениями считались «Ифигения в Тавриде», «Торквато Тассо», «Герман и Доротея»; юношеские сочинения обозначали движение высь через человеческую незрелость и художественные ошибки, и все созданное в последние 30 лет жизни Гете отвергалось как искусство упадка—в отношении поэзии, как бесплодные дилетантские усилия—в отноше-

нии научных стремлений... И речи не было о желании охватить полностью всю индивидуальность Гете. Постоянно пытались подогнать Гете под созданный Шиллером идеальный образец великого поэта и затушевывать и искажать все мешающее этому намерению»¹⁰.

Если принять во внимание, что от буржуазного профессора трудно ожидать классового анализа подобной «интерпретации» Гете в 50—80-х гг., то интересно констатировать, что и по его мнению, основывавшемуся на классовой потребности в ином истолковании Гете, эти буржуазные гетеведы XIX в. занимались искажением, обработкой, фальсификацией подлинного Гете. Такой «переделке» Гете посвятил себя в те времена Герман Гримм¹¹, который в своих лекциях в Берлинском университете, с одной стороны, резко выступал против методов изучения Гете историко-филологической школой, отрицая всякое значение мелочей и «архивного» аппарата, и требовал исследования мировоззрения поэта в крупном масштабе; но, с другой стороны, как раз его концепция «больших линий» и есть концепция, охарактеризованная проф. Витковским; Гримм и не скрывал, что его интерпретация Гете—это его Гете. До известной степени в том же направлении продолжал гетеведение и другой видный либеральный литературовед Рихард Мейер в своей книге о Гете (1894). Несколько приблизив объект исследования к современности, он также исходил из «эстетических» и индивидуально-психологических установок. Но это не значит, что историко-филологическая интерпретация Гете прекратилась после работ Гримма и Мейера, нет, она существует и поныне. Даже такие считающиеся «фундаментальными» буржуазные исследования, как труды Карла Гейнемана («Goethe», 1895) и Альберта Бельшовского (первый том вышел в 1895 г.), в основном следуют еще этому методу. Гейнеман хочет быть в истории литературы тем, кем был Ранке, а именно «камердинером истории», т. е. рассказывать только о том, «что было», передавать лишь факты и документы. Бельшовский же во многих вопросах солидарен с Дюнцером и Гейнеманом, но так как он вдобавок вдается и в подробный анализ произведений, разбавляя его буржуазно-мещанской философской водой, то он стал на целые десятилетия любимым «гетеведом» германской школьной науки и обывательской читающей публики (до войны вышло 26 изданий его работы). Менее известны и популярны биографии Гете, написанные Г. Витковским (1899), Эдуардом Энгелем и Людвигом Гейгером, также построенные в основном на принципах школы Шерера.

III

Коренной поворот в буржуазном понимании Гете происходит с наступлением эпохи империализма, когда особенно обострились все основные противоречия капиталистического общества, когда оно вступило в фазу загнивания и кризиса не только в экономической, но и в идеологической области, когда буржуазия стала лицом к лицу с сильным организованным рабочим классом и его воинствующим стройным мировоззрением—марксизмом. И вот в поисках за «опорой» в обосновывании «фундаментального, цельного мировоззрения» для противопоставления его марксизму упадочническая буржуазия «воскрешает» гениев периода своего восхождения, тех самых гениев, которых она в период бурного развития производительных сил и торгашеских прибылей третировала как «дохлых собак»; уже в конце XIX в. в связи с этими устремлениями начинается «ренессанс» Канта, Гете и других идеологов классического периода немецкой буржуазии. И характерно, что теперь привлекает ее в Гете, и как она «обрабатывает» его. Еще прогрессивная домартовская буржуазия, ценя, как мы видели на примере с «Молодой Германией», творчество раннего Гете-бунтаря, и такие произведения его, как «Гец», «Вертер» и «Эгмонт», целиком отрицала позднего Гете, выказывая удивительное пренебрежение к «Фаусту» и «Вильгельму Мейстеру». Центральное место в ее интерпретации Гете занимала и политически-прогрессивная сторона юношеских произведений Гете. Послемартовская буржуазия, заключившая перемирие с реакцией, по мере своего экономического утверждения, увеличения богатства и отказа от великих теоретических интересов своего революционного прошлого ценит Гете-классика, олимпийца, спокойного созерцателя и эпикурейца, совершенно игнорируя как молодого, так и Гете второй части «Фауста». Буржуазия империалистического периода разрушает этот образ невозмутимого олимпийца, «открывает» «старика» Гете, отказывается от переоценки биографо-филологического материала и видит всю сущность творчества поэта в «терзающих противоречиях» его «души». Буржуазия, бющаяся в тисках экономических потрясений, заставляет Гете мучиться всеми «проклятыми вопросами» собственного бытия и превращает поэта по мере надобности то в предшественника германского империализма, то в антисемита, то в верующего христианина, то

в метафизика, то в оккультиста и т. д. и т. д. Центр тяжести в исследованиях переносится теперь на «Фауста» и «Вильгельма Мейстера», к которым с таким пренебрежением относились в течение целого столетия. Теперь «Фауст» зовет к вечной борьбе и действию, а «Мейстер» указывает путь из противоречий между «машиной» и «человеком», рабочим и капиталистом в самоотречении и труде.

Таким образом буржуазия на трех основных ступенях своего развития создавала по подобию своему свой образ Гете, каждый раз обрабатывая, приспособлявая, искажая творчество Гете в целом и выдвигая, смотря по своим политическим надобностям, то одну, то другую сторону противоречивого содержания его творчества. В соответствии с этим в период империализма методы изучения Гете меняются, и в связи с развитием буржуазного литературоведения вместо «эмпирического», биографического, позитивистического, историко-филологического и т. д. методов появляются методы: «интуитивно-психологический», духовно-исторический, метафизико-феноменологический, психо-аналитический, «социологический», расовый и т. д. и т. д. В растущей за последние два десятилетия в геометрической прогрессии литературе о Гете представлены все эти методы.

К «новому» толкованию Гете в период империализма приступают уже первые «великие скептики» буржуазной культуры—Н и ц ш е и Д и л ь т е й¹². Но особенно ярко выявилась борьба вокруг Гете во время юбилеев 1882 и 1899 гг. и в последующие годы.

Прежде всего бросается в глаза то, что буржуазия в 1899 г. праздновала 150-летие со дня рождения поэта весьма торжественно. В многочисленных статьях и книгах по поводу этого юбилея подчеркивается актуальность творчества-мировоззрения Гете, при чем имя его выдвигается уже как определенный символ борьбы с рабочим классом. Прикрываясь авторитетом Гете, буржуазные и мелкобуржуазные идеологи требуют «перемирия» в борьбе классов; раздаются голоса, настаивающие на «пересмотре» образа Гете-олимпийца, характеризующие его как метафизика, антисемита, провозвестника расовой теории превосходства германцев и т. д., выдвигающие его против монизма Геккеля, материализма, марксизма, интернационализма и пр. При чем наиболее реакционные круги, особенно церковные, ведут борьбу за или против Гете в двух направлениях. Одни в 1899 г. все еще отвергают его как «язычника». Так венская клерикальная руководящая газета «Reichspost» в юбилейной статье 1899 г. «открыла», что слава Гете—лишь франкмасонский обман. Венский же «Vaterland», также в юбилейной статье, отдает Гете евреям, жалеет, что такой гений принадлежал к неверующим, и ненавидит его как борца за «новое» мировоззрение. Другая же часть реакционной буржуазии прodelывала тогда уже более тонкую операцию: она боролась за Гете, вытравляя из его творчества все прогрессивное; она «доказывала» например, что Спиноза не имел влияния на его мирозерцание, что Гете не был «язычником»—это, мол, еврейская выдумка: он был самым что ни на есть верующим христианином, и т. д.; одним словом, превращала поэта в глашатая своего реакционного мировоззрения, противопоставляя его всяческим «монистам» и марксистам¹³. Если вспомнить, что юбилей Гете 28 августа 1899 г. праздновался в самый разгар процесса Дрейфуса, то станет понятным, почему вся эта борьба вокруг его имени носила остро-политический характер.

Разоблачение классовой подоплеки этой борьбы вокруг Гете различных группировок буржуазии в 1899 г. звяла на себя социал-демократия. Нельзя сказать, чтобы с.-д. критика всегда строго придерживалась марксистского анализа при оценке Гете. Подчеркивая совершенно правильно вопрос об искажении его творчества буржуазными литературоведами, противопоставляя характеристикам Гете как метафизика, реакционера и т. д. прогрессивность его мировоззрения и творчества, выражавшего идеологию восходящей буржуазии, с.-д. критика далеко не всегда понимала противоречивость этого творчества и выдвигала лишь одну сторону мировоззрения Гете—прогрессивную, недооценивая или замалчивая сторону регрессивную, т. е. не рассматривала Гете в целом. Так автор юбилейной статьи в центральном органе австрийской с.-д. партии, венской «Arbeiter Zeitung», пишет: «Гете был одним из глубочайших и мощных революционеров, когда-либо появившихся на свет»¹⁴. Объяснение же причин, обуславливавших эту революционность, типично мелкобуржуазно-идеалистическое. Это потому,—продолжает автор,—что «Гете был настоящим человеком, и потому, что человек, стремящийся к истине и действительности, постоянно и на каждом шагу должен разбивать мертвые формы».

Основную, руководящую линию оценки Гете во время юбилея 1899 г. дал для германской с.-д. партии Ф. Меринг в нескольких статьях. Правильно разоблачая те легенды, которыми буржуазия окружала имя Гете, указывая на ряд положитель-

ных сторон его творчества, Меринг далеко не всегда по-марксистски разрешал проблему наследства Гете для пролетариата и не всегда должным образом уяснял противоречивость мировоззрения поэта. В его статьях 1899 г. видны также основные ошибки его литературоведческого метода, обнаруживается влияние на него идеалистической эстетики Канта и недостаточное понимание значения пролетарского искусства до завоевания власти рабочим классом. Нужно сказать, что как Меринг, так и другие с.-д. критики того времени не учитывали всей важности оценки Гете, данной Энгельсом в 1847 г., не брали ее за исходный пункт. Например сам Меринг не был согласен с некоторыми положениями этой оценки. Во всей тогдашней германской с.-д. партии в вопросе о культурном наследстве немецкого классицизма очень большой популярностью пользовалась идеалистическая постановка этой проблемы Л а с с а л е м, постановка с ориентацией на Канта-Шиллера в противовес Гете. Поэтому Меринг в юбилейной статье «Гете и рабочие», в передовой статье центрального органа германской с.-д. партии—берлинского «Vorwärts» от 27 августа 1899 г. (анонимно)—пишет следующее: «С первого взгляда ясно одно,—что из великих писателей нашей классической литературы Гете ни в коем случае не стоит ближе прочих к нынешнему пролетариату. В этом отношении его опережают Лессинг и Шиллер... Он был революционером только в художественной, но не в политической или социальной области». Правильно указывая на несостоятельность производившихся уже тогда попыток сделать из Гете социалиста, подчеркивая, что «совершенно нелепо видеть в отдельных фразах Гете какой-то «социализм», имеющий до некоторой степени точки соприкосновения с освободительной борьбой современного пролетариата», Меринг приходит к совершенно немарксистскому выводу о роли искусства и литературы в борьбе пролетариата за свое освобождение и к полукантовскому пониманию взаимоотношений политики и литературы. Он даже строит своеобразную «диалектику» механического чередования политики и искусства в общественном развитии человечества. Но предоставим слово ему самому: «Вряд ли Гете сделался бы таким великим художником,—пишет он,—если бы он был такой энергичной боевой натурой, как Лессинг и Шиллер». И подчеркивая отрицательное влияние реакционных политических воззрений Гете на его творчество, он продолжает: «Поэтому нынешний пролетариат не стоит конечно на точке зрения Берне, видевшего в Гете рифмованного холопа, а в Гегеле—нерифмованного. Если некогда и был необходим разрыв с односторонне-эстетической культурой, нашедшей свое воплощение в нашей классической литературе, то ныне это уже преодолено. Историческое развитие давно уже пролило яркий свет на то, чем обязана современная культура нашим классикам, они оставили наследство несравненного богатства, и это наследство досталось в первую очередь немецкому рабочему классу. В то время как немецкая буржуазия на словах безудержно восхваляет своих великих мыслителей и поэтов, в действительности она неминуемо должна отречься от их духа и поступков. И наоборот: немецкий пролетариат может решительно отвергать все то, что было переходящим в классических доктринах и писаниях, но в то же время он может или вернее должен—уже по всему классовому положению—перенести бессмертные элементы их творчества с заоблачных высот на равнину практической жизни. Когда Кант и Шиллер надеялись достичь политической свободы путем эстетической культуры, это было утопией, но в диалектических взаимодействиях истории пути политической свободы вновь ведут к эстетической культуре. Рабочий класс, борющийся за человеческие условия существования, не может никогда притти к бездушному чванству, подавляющему искусство в зародыше; свобода для него станет красотой, и он с радостным удивлением узнает, что не было более верного и благородного жреца красоты, чем Гете. Тогда сотрется и рассеется все то бесконечно мелкое, что мешает нам еще сейчас в его гордо высящемся образе, тогда в нем останется жить только бесконечно великое, и самому неискушенному взгляду станет ясно, как неповторим Гете в мировой литературе».

Наряду с правильными положениями во всей этой концепции литературного наследства вообще и в частности наследства Гете все же основная мысль неверна: выходит, что «во время битвы музы молчат», политика вытесняет искусство, а вот в социалистическом обществе—тогда будут наслаждаться прекрасными стихами Гете. Эту же концепцию Меринг защищает в своей более широко задуманной статье о Гете в 1899 г. в «Neue Zeit» «Гете и современность», где он пишет, что только с падением привилегированных классов «проснется художественное чувство, которое таится во всяком настоящем человеке, и тогда имя Гете ярко засияет на немецком умственном горизонте, как выступившее из облаков солнце. Ибо для каждого знающего немецкую культуру нет более великого, более бессмертного художника, чем Гете... Тот день, когда немецкий народ освободится экономически и политически, будет

днем торжества Гете, потому что в этот день искусство станет общим достоянием всего народа»¹⁵.

Меринг, как мы уже отметили, в оценке Гете задавал тон в рядах германской с.-д. партии, но в 1899 г. были и более воинствующие и политически более заостренные с.-д. статьи о Гете. Так например, в гетевском номере журнала «*Süd-deutscher Postillon*» (XVIII Jg., 1899, № 17) делается особый упор на молодого Гете и на революционное значение «Прометея». И несмотря на ряд промахов в статьях Меринга и других с.-д. критиков 1899 г., все же можно сказать, что пролетариат с большим энтузиазмом праздновал этот юбилей, противопоставляя свое понимание Гете, как идеолога восходящей буржуазии искажающему толкованию его творчества современной буржуазией. Во Франкфурте, где родился Гете, организовывались мощные рабочие демонстрации, устраивались публичные лекции и т. д. В некоторых городах пролетариат чествовал Гете прежде, чем «раскачалась» буржуазия, как это имело например место в Иене, где даже университет вначале «забыл» об юбилее¹⁶. Понятно, что такие рабочие вечера, на которых читались стихи Гете вроде «Прометея», не очень-то нравились Вильгельму II и его полиции, и поэтому, когда левый с.-д. критик Макс Грунвальд собрался выступить с публичным докладом о Гете на профсоюзном собрании в том самом Веймаре, где буржуазия торжественно «по-своему» чествовала поэта, этот доклад был запрещен полицией¹⁷.

Книжка Грунвальда—одна из наиболее содержательных работ о Гете. Автор ее принадлежал к левому крылу партии; он в гораздо большей степени, чем другие с.-д. критики, подчеркивает протитворечивость творчества Гете, дает краткую его эволюцию, освобождает его от ряда искажений и легенд и приходит к выводу, что наследником прогрессивной стороны творчества поэта может стать не реакционная буржуазия, а только пролетариат. Но в решающем вопросе о причинах противоречивости мировоззрения Гете и о ценности его поэзии для рабочего класса он стоит на точке зрения Меринга, на солидарность с концепцией которого он сам указывает. Так, приводя слова Энгельса о Гете (они тогда приписывались Марксу), он пишет: «Как и Маркс, мы должны отделять в нем [Гете] революционного мыслителя и поэта от человека привычки, который не в состоянии отказаться от традиции и веры. Это противоречие проходит через всю его жизнь. От начала до конца оно проявляется в его чувствованиях и действиях и исчезает только на высочайшей вершине жизни, когда гениальная интуиция создает синтез». Но Энгельс понимал это противоречие совсем не как влияние «традиций», а как классово обусловленное и вовсе не исчезающее в «гениальной интуиции». Что же касается значения искусства Гете для рабочего класса, то Грунвальд повторяет почти буквально слова Меринга о Гете и будущем социалистическом обществе.

Во время юбилея 1899 г. выступали с оценкой Гете и «ультралевые», т. е. анархисты. Специальный гетевский номер ежемесячника «*Sozialist*» сплошь занят брошюрой Г. Ландауэра¹⁸. Как в этой брошюре, так и в дальнейших своих работах Ландауэр рассматривает Гете как революционера, особенно высоко ставит его свободомыслие и выпады против церкви и религии, против узкой морали в вопросах любви, брака и т. п.; но как анархо-индивидуалист Ландауэр главным образом преклоняется перед индивидуализмом Гете и его противопоставлением героев-гениев массам. «Гений», «высшая индивидуальность», для Ландауэра является самоцелью, и «безразлично, из какого общественного класса происходит гений, ибо происхождение гения необъяснимо». Он тут же пользуется случаем лягнуть массовое рабочее движение, называя «грязной из-за куса хлеба» партию Бебеля и утверждая, что Гете стоит над всеми партиями, что он «гуманус будущего», который не может быть использован для политической борьбы.

Таким образом к концу XIX столетия, на первой стадии империализма, с заострением капиталистических противоречий и кризиса буржуазной идеологии уже вырисовываются основные классовые контуры борьбы вокруг Гете: наиболее реакционные круги все еще отвергают его как человека, лишенного веры и нравственности, основные группировки буржуазии отходят от «филологической» его интерпретации и «обрабатывают» для своих потребностей его мирозрение, социал-демократическая партия разоблачает классовый смысл этого маневра и старается дать марксистский анализ творчества Гете—правда, совершая при этом не мало ошибок, мелкобуржуазный этический анархо-индивидуализм «приспосабливает» его творчество для своих целей.

IV

Наметившиеся на первой стадии империализма тенденции истолкования Гете усиливаются и расширяются со все большим обострением империалистических противоречий; либерализм, космополитизм, «позитивистическое обеднение»

и «материалистическое запустение», хотя бы в духе монизма Геккеля, не годились больше для идеологии империализма, готовящегося к кровавой схватке за новый передел мира и рынков сбыта. Для такой воинствующей идеологии меланхолический пессимизм Шопенгауэра был вредной помехой: империализм нуждался в мировоззрении действия, власти, сильной воли. Это—с одной стороны. С другой же стороны, он нуждался также в подавлении и рабочего класса, в «гражданском мире» и «сотрудничестве всей нации» внутри страны для обеспечения тыла. Чтобы успешнее вести свою экспансию и войны, необходимо было скрывать действительные цели империализма, окутывая их разными национальными, расовыми, религиозными, культурными и другими покрывалами. Оголтеляя пропаганда того, что белая раса—соль земли, призвана властвовать над всеми остальными, что она является носительницей «культурной миссии» в колониях, и теория о том, что германская, англо-американская, романская и т. д. национальности каждая в отдельности лучше всех других белых народностей, что все ценное и гениальное, созданное в мире, сделано именно данной нацией и поэтому она должна быть облечена исключительной властью—эта пропаганда старалась опираться в каждой империалистической стране на авторитет своих классиков.

В Германии эти две линии «обработки» классиков—1) в духе сильной власти и расовой теории, противопоставления мажорного национализма либерализму и 2) в духе фальсификации и классиков, перенесения их в область «героизма» вне времени и пространства, превращения в надисторический «миф» и вместе с тем в «духовных вождей»—уже ярко выражены в литературе о Гете до и во время войны. В эту эпоху создаются «три кита» современного буржуазного гетеведения, три монументальных работы: Хаустона-Сьюарта Чемберлена¹⁹, Георга Зиммеля²⁰ и Фридриха Гундольфа²¹. Из этих «трех китов» книга Чемберлена служит преимущественно первой, а книги Зиммеля и Гундольфа—второй цели.

Чемберлен не скрывает, что он преследует о п р е д е л е н н о е з а д а н и е в своей работе о Гете. Он противопоставляет ее обычным исследованиям о поэте, не скрывая чисто субъективного подхода к фактам и материалам. «Я приступил к работе с бесцеремонной субъективностью,—пишет он в предисловии,—ибо только таким способом можно добиться объективной цели определенного импульса». Для него Гете—олицетворение всего германского, всего антисемитского, всего враждебного «восточному» в христианстве, он—истинный немец, воплощение любви к родине. «Никто,—пишет он,—не представил взору немца такой в одно и то же время наивно-реалистической и возвышенно-идеалистической картины германского рыцарства, как Гете в Гецце,—вечный пример того, что называется благородством, свободой и верностью; никто не изобразил немецкого крестьянина так правдиво и в то же время так просветленно, как он в своем Германе. Спустя тысячелетия эта поэма будет свидетельствовать о лучших свойствах немецкого духа народностей, которые быть может сочтут достойным сохранения только этот дух». В ином разрезе написаны книги Зиммеля и Гундольфа: обе они чрезвычайно метафизичны и субъективны, обе отвлекаются от действительной жизни, переносят Гете в мир своего личного, делают его рупором метафизического мировоззрения, прикрывая его именем действительные цели и противоречия буржуазного общества. Зиммель в предисловии открыто заявляет, что «истолкование и оценка гетевской поэзии не является его задачей. Он ставит себе вопрос: как о в д у х о в н ы й с м ы с л г е т е в с к о г о с у щ е с т в о в а н и я в о о б щ е». Гундольф, так же как и его бывший учитель Стефан Георге, кладет в основу своей работы о Гете понятие «почитания героев», противопоставления сильной личности массам (это те же мысли Ницше, только в приложении к кастово-жреческому пониманию искусства и роли буржуазной интеллигенции). «Герой» Гундольфа не есть порождение окружающей его среды, он не формируется под влиянием общественных или иных факторов, а, наоборот, он сам созидает всю эпоху: эпоха, время становятся следствием первопричины—героя. И таким героем для Гундольфа является Гете, «величайшее единство, в котором воплотился немецкий дух». Гете Гундольфа—образ, подобный известному портрету поэта в старости, с орденской звездой и угрюмым выражением лица, образ «холодного» человека, недостижимо высоко «стоящего над партиями» и всеми вопросами повседневной жизни.

Непосредственное использование авторитета Гете в империалистических целях особенно усилилось со времени объявления войны. Буржуазия Германии 1914—1918 гг. эксплуатировала «немецкий идеализм», классический период своего прошлого: Лессинг, Кант, Шиллер, Фихте, Гете, Гегель цитировались на каждом шагу, и во имя их германский империализм требовал от трудящихся масс огромных жертв на ведение войны до победного конца, их именами прикрывались все ужасы и пре-

ступления этой страшной бойни. Особенно эксплуатировала германская буржуазия Гете в качестве орудия пропаганды «единства» всех немцев, отказа от «классового раздора», «внутреннего мира» как необходимого условия победы над внешним врагом. Германскую армию забрасывали произведениями Гете, особенно «Фаустом». В своем предисловии к военному изданию комментариев к «Фаусту» немецкий литературовед Эрнст Траутман²² пишет: «И когда цвет нашей университетской молодежи отправлялся в бой и на смерть со звучной песней бардов, подобно своим германским предкам, то повсюду—на запад и на восток, на север и на юг, на французский и на русский фронт, в захваченное англичанами море, далеко вглубь Малой Азии и на Балканы, и на границы Италии—миллионы этих воинов сопро-

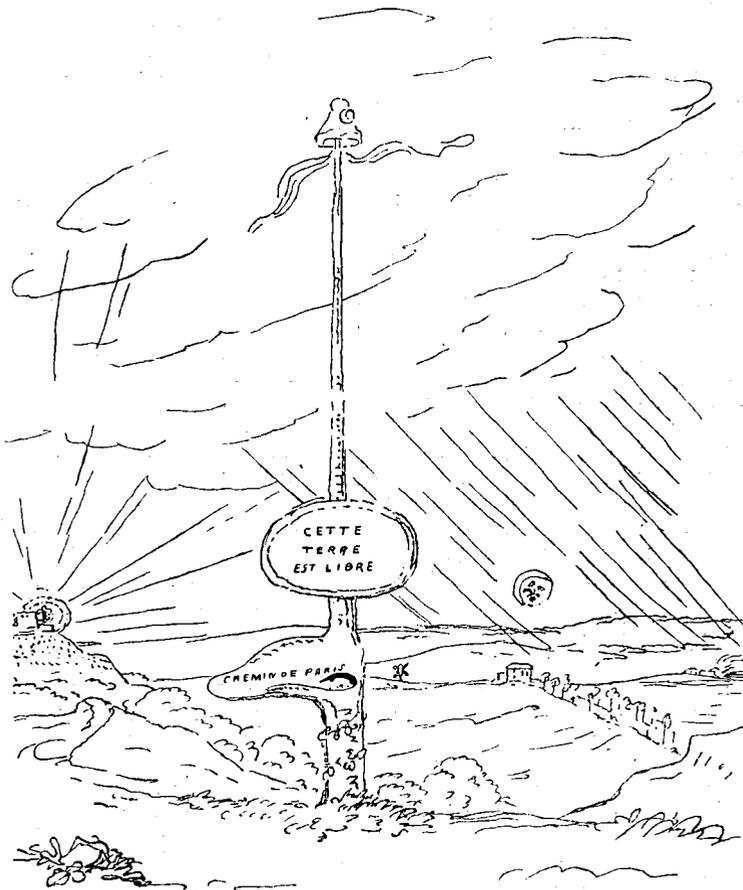

Рисунок Гете эпохи Великой французской революции
Рисунок находится в письме Гете к супругам Гердер от 16 октября 1792 г.
Goethe- und Schiller-Archiv, Веймар

вождало таюже, как духи-хранители, как их пенаты, священное завещание их величайших поэтов. Наследие Гете, «всеобъемлющего гения немцев»,—прежде всего. Он—«сияющий вождь». «Его сочинения тысячами следовали в поле и в окопы за нашими храбрцами». И в сумке всегда лежал «Фауст»: «он казался ему [солдату] палладиумом, духовным знаменем его народа, знаменем, которое он должен оберегать и охранять в этом ожесточеннейшем бою за защиту немецких идеалов». «Фауст»—«неосвященная светская библия», «символ народной борьбы», символ того, что Германия должна победить своих врагов так же, как Фауст победил Мефистофеля.

Но имя Гете использовалось германскими империалистами не только для такой «национально-воспитательной» пропаганды в армии; его идеологи не только «доказывали», что война ведется в защиту «великих идей» немецких классиков и германского народа; имя Гете использовалось на каждом шагу при каждом удобном случае. Появляется ряд статей на тему «Гете и патриотизм»; для опорочения англи-

чан и французов услужливые патриотические литературоведы выискивают все отрицательные высказывания Гете об этих народах, и они публикуются под заголовками: «Французы и англичане в жизни и оценке Гете», «Высказывания Гете о французах в побежденной стране», «Гете как боец за цеппелин», «Гете перед Верденом и в Вердене» и т. д. и т. п.

Конечно не одна Германия «спекулировала» своими классиками во время войны: то же самое и в такой же «утилитарно»-политической форме проделывали империалисты и социал-шовинисты Англии, Франции, Италии и т. д.—с той только разницей, что они давали своим солдатам в качестве «священных пенатов» своих классиков и на все корки ругали... Гете и немецких классиков, этих «варваров и гуннов». Так в Англии злобно брызжащие слюной беззубые профессора, слишком старые, чтобы принести себя в жертву «на алтарь отечества» в окопах, писали длинные статьи о Гете, приходя к «ученому» выводу, что в творчестве его были уже заложены все корни германского «гуннства» и что сам он «поэт гуннов». И это писали те самые профессора, идеологи английского империализма, которые клали в сумки своим солдатам... Байрона и Шелли! Итак, английский солдат должен был защищать свои «духовные ценности», своих «пенатов» от угрожавшего Байрону и Шелли... «поэта гуннов»—Гете! Трудно представить себе картину, более наглядно рисующую смысл «пропаганды» классиков во время войны.

В этой пропаганде, особенно же в травле Гете как «варвара» и идеолога «пангерманизма», не отставали от англичан и французские империалисты. Восхваляя своих классиков как «борцов за цивилизацию» и «гуманизм», идеологи французского империализма считают Гете «ответственным» за «организованное варварство» германцев. Националистический писатель Луи Бертран в своей статье «Гете и германизм»²³ перефразирует слова Фауста, что «вначале было дело», таким образом: вначале была сила, сила империализма Вильгельма III! Для автора—Гете антихрист, издающийся над моралью и законами; поле деятельности Фауста—«научное варварство». Бертран делает Гете ответственным за все поступки Мефистофеля, ибо Фауст—соучастник этого «бандита», пользующийся плодами его разбоя. И резюмируя свою оценку «Фауста», он пишет: «Это—одно из проклятых, пораженных молнией мест, где древние сажали терновые кусты и которые они окружали изгородью. Не говорите нам больше о гуманности Гете! «Вы—человек, господин Гете!» Да, немецкий человек, и только немецкий,—понимать это иначе, значит непозволительно злоупотреблять словом. Со времен Гомера это прекрасное слово «гуманность» имеет для нас, европейцев, ясный смысл, не поддающийся никакому ложному истолкованию. Если гуманен Ахиллес, дарующий жизнь отцу своего самого смертельного врага, то как может быть гуманным Фауст, оправдывающий ужасными софизмами убийство двух безобидных старцев? В действительности шедевр Гете лежит за пределами великой благотворительной традиции западной гуманности. Он гуманистичен может быть, но ни в коем случае не гуманен. Под классической формой скрывается варварская поэма». Бертран не был одинок в такой «научной» интерпретации Гете во Франции. Во французских газетах, журналах и книгах во время войны можно найти множество подобных оценок Гете, хотя не всегда так ярко сформулированных. Предшественником германского империализма считал Гете и Морис Баррес. В опубликованном в этом году его женой наброске Баррес выводит это заключение из того обстоятельства, что Гете якобы на смертном одре начертал таинственную букву W..., что было завещанием идей пангерманизма... Рихарду Вагнеру!»²⁴

V

С крушением мощи германского империализма меняется и господствовавшая во время войны интерпретация творчества Гете. В первый период послевоенного кризиса капитализма, особенно вслед за переворотом в Германии, созданием Венгерской и Баварской советских республик, под влиянием Октябрьской революции в России и непосредственной угрозы пролетарской революции в самой Германии и других странах идеологи капитализма ощущают определенную растерянность, охватившую все области буржуазной науки, и этот кризис не мог не отразиться и на критической литературе о Гете. В цитированной уже нами статье проф. Г. Витковского говорится о «трех китах» довоенного и военного гетеведения, т. е. о работах Чемберлена, Зиммеля и Гундольфа, следующее: «Из этих трех изложений в их совокупности, из многочисленных одновременных трудов и статей о различных сторонах творчества Гете выросло то представление о великом мудреце, в котором немецкий человек воплотился так совершенно, как никогда еще... Казалось, будто Гете должен подняться до господства над всем немецким духовным достоянием, будто из его сочинений, писем, произнесенных им слов, из всего этого материала пристекает все усиливаю-

щийся, просачивающийся в самые широкие слои народа жизненный поток. Эта надежда держалась еще во время мировой войны. Не только «Фауст» улаживал души бойцов; тоненькие тетрадки с изречениями Гете о религии и по вопросам житейской мудрости отправлялись на поля сражения и принимались с благодарностью. Письма образованной военной молодежи дают поразительное доказательство того, с каким доверием она взирала на Гете. Несокрушимая, как скала, вера в новую, более великую и более благородную немецкую национальность, которая расцветет как награда на удобренной кровью земле, черпала свою последнюю надежду из представления человека по образу Гете». И вот эта борьба германского империализма, в которой, для того чтобы скрыть настоящие цели и одурачить широкие массы, так щедро использовалось имя Гете, эта борьба потерпела крах. И буржуазия вновь мобилизует то же имя для новых уже задач, направленных преимущественно на «внутреннего врага»—на марксизм, на рабочий класс, на пролетарскую революцию. Эрнст Траутман формулирует эти новые задачи буржуазного «гетеведения» в цитированном уже втором издании «Фауста», вышедшем после ноябрьского переворота в Германии, такими лозунгами: «Борьба за душу народа», «Против материализма» и «Назад к классикам, только немецкий идеализм может нас спасти».

Революция в Германии была подавлена социал-предателями; в Веймаре провозглашается конституция буржуазно-демократической республики. И вот вокруг имени Гете возгорается новая борьба между приверженцами новой буржуазной государственности и правыми, недовольными ею кругами, монархистами-националистами, национал-социалистами и др. Появляется ряд статей под заглавиями вроде «Гете и революция», «Гете и демократия», «Гете и социальный вопрос» и т. д., в которых идеологи новой буржуазной республики пытаются доказать, что в Веймарской конституции «дух Веймара», т. е. Гете, победил «дух Потсдама», т. е. Фридриха II и пруссачество вообще, и что «дух» демократии и гуманизма одержал окончательную победу над «духом» милитаризма и монархизма²⁵. В ответ на это имеются многочисленные выступления наиболее отъявленных националистов и сторонников «старого пруссачества». Один из идеологов национал-фашизма, литературный критик Адольф Бартельс, в специальной книге «Веймар и немецкая культура»²⁶ «доказывает», что Потсдам и Веймар, пруссачество и гуманизм,—вовсе не «противники» и что «веймарский гуманизм был гораздо более национальным, чем это обычно думают». В обостренном националистическом духе составлена и книга цитат из Гете—Ernst Schirmpf, Der nationale Goethe. Ein Wegweiser für unsere Tage. Aufl. 1926. München, Lehmann, 1932. Сюда же относится и немалочисленная литература послевоенного времени на тему «Гете и евреи». В то время как «гетеведы» типа генерала Людендорфа и его круга считают поэта совершенным «прототипом потомка Авраама» и по своей сущности «гораздо больше семитом нежели немцем», основные круги национал-фашистов выдвигают Гете в качестве «вечного прототипа» всего немецкого и антисемита, называя Веймарскую конституцию, чтобы дискредитировать ее в широких мелкобуржуазных слоях, делом «международного еврейского банковского капитала»²⁷. Насколько эта борьба вокруг формул о победе Веймара Гете над Потсдамом Фридриха II носит демагогический характер, можно судить хотя бы по тому «гуманизму», с которым правительство Веймарской конституции подавляло все рабочие восстания.

Но так или иначе имя Гете весьма усиленно эксплуатируется всеми группировками послевоенной немецкой буржуазии в ее непосредственной политической борьбе. Идет ли вопрос о новых жертвах и новых налогах, возлагаемых на плечи трудящихся масс, о «спасении западной цивилизации» против грозящей восточной революции, о защите капитализма от большевизма—буржуазия взывает к Гете. Не случайно в 1923 г., в период массовых рабочих восстаний, один из наиболее авторитетных немецких буржуазно-демократических писателей Томас Манн читает доклад на тему «Гете и Толстой»²⁸. И не случайно Манн рисует здесь Толстого как представителя «допетровской, антицивилизованной России», как олицетворение «азиатчины», а Гете—воплощением «западной цивилизации», буржуазно-гуманистически-либеральной культуры. «Мы воочию видели, милостивые государыни и милостивые государи,—продолжает Манн,—крушение допетровской России, крушение, пророком которого был «великий писатель земли русской». Но не живо ли у нас чувство, что и для европейского Запада кончается буржуазно-гуманистически-либеральная эпоха, зародившаяся во время Ренессанса и достигшая власти со времени французской революции? Вопрос нынче в том, является ли классически-гуманистическая традиция делом человечества и потому человечески вечной, или же она была лишь формой духа, принадлежностью одной эпохи, именно эпохи буржуазно-либеральной, и может умереть вместе с ней. В России очевидно с нею покончено. Что же касается Германии,

то эта страна стоит между Востоком и Западом в нерешительности, полная противоречий. Гуманистический либерализм Запада, говоря политически—демократия, завоевал у нас большую территорию, но не всю. Та часть германского юношества, которая на вопрос «Рим или Москва?» отвечает «Москва», и е плохая. Заблуждается также и молодежь, высказывающаяся за Рим; ответ должен гласить: не Рим и не Москва, а Германия. Германия наших надежд будет отличаться от царства сарматов и большевиков так же, как дух Гете отличался от духа Толстого. Этот дух знаменует собой для германца культуру, то-есть очищение, возвышение и очеловечение, но не рационально-радикальное искажение ее. Германский юноша будет не азиатом и дикарем, но европейцем, т. е. одаренным чувством расчленения, порядка, меры—и буржуа в самом старом, достойнейшем, средневеково-немецком значении, т. е. искусным и воспитанным действительностью...»

Здесь мы имеем классический пример того, как в период большой опасности для капитализма имя Гете неминуемо становится символом «вечно-человеческой» якобы сущности капиталистического способа производства, символом вечности основ буржуазного общества; Гете превращается в олицетворение уже «общечеловеческой», а не определенного исторического отрезка буржуазной культуры; имя его мобилизуется для спасения «общечеловеческой», «западной» (читай—капиталистической) цивилизации и противопоставляется «восточной» антицивилизации (т. е. антикапиталистической цивилизации, пролетарской революции).

Примеров подобной интерпретации Гете можно было бы привести еще много. Симптоматично, что в такие периоды обостренной классовой борьбы имя Гете становится одним из весьма актуально-политических факторов, имя того самого Гете, о котором буржуазные профессора-педанты-филологи утверждали, что он совершенно не пригоден для «борьбы партий». Укажем хотя бы еще на две статьи Г. Штреземана («Гете и Наполеон» и «Гете и освободительные войны»), опубликованные в 1927 г. Теперь, когда вышло в свет «завещание» Штреземана, делаются чрезвычайно ясными все детали и закулисные маневры, подчеркивающие опасность, в которой находилась—особенно в 1923—1924 гг.—б у р ж у а з н а я Германия: оккупация Рурской области французскими империалистами, сепаратистское движение в Рейнской провинции и Баварии, выступления рабочего класса. И Штреземан также закликает немцев именем Гете, призывая к спасению капиталистической Германии: «Родиной Гете,—пишет он,—была не Пруссия и не Саксен-Веймар, но Германия. Его ощущение родины переходило в ощущение человечества и считало развитие культуры наиболее ценным из всего, к чему стремится человеческая деятельность».

В первый период послевоенного кризиса с критикой Гете—при чем с резко отрицательной—выступает левое крыло немецких экспрессионистов, писателей-активистов. Эта анархо-индивидуалистическая группа взбесившихся мелкобуржуазных интеллигентов (с журналом «Die Aktion» Ф. Пфемферта) защищала архирадикальную, ультралевую теорию ликвидации всего культурного наследия прошлого. Они требовали уничтожения музеев, этих хранилищ «старого хлама», и не могли понять, как это Маркс мог читать Гете или так «возиться с Гейне». Буржуазные писатели этой группы—первичное зло всего человечества, и прототипом такого писателя она считала именно Гете. Карл Штернгейм, известный сноб и один из идеологов этих обезумевших мещан, старается развенчать Гете как поэта «juste milieu»²⁹. В своей книге он изображает его в виде ничтожного филистера,—и только. Творя обдуманно, окруженный довольством, никогда не выходя из рамок законности, он, Гете, избегает всяких потрясений. Он «окутывал нервы своих земляков и свои собственные в вату, так что под бдительным уходом крепко сколоченной мещанки он в состоянии был отпраздновать свое восьмидесятилетие». Гете проповедывал только подчинение без критики существующему, покорность трупа, и Штернгейм считает его «неслыханно трусливым и ограниченным». С этой оценкой Штернгейма солидаризируется и другой идеолог этой группы—поэт и критик Макс Герман-Нейсе, который вообще видит во всех классиках только представителей поэзии, сохраняющей и увековечивающей несправедливость. В отношении к Гете и ко всему буржуазному литературному наследству Герман требует: «отрыв и начало без всякой связи с прошлым»³⁰. Буржуазная критика, чтобы дать «представление» о «варварстве» и «враждебности коммунизма к культуре», часто ссылается именно на эти высказывания анархо-индивидуалистов как на «произведения коммунистической критики». Нечего доказывать, что подлинная коммунистическая критика не имеет ничего общего с такой оценкой Гете, видящей в его мировоззрении только филистерскую сторону и совершенно игнорирующую прогрессивную, исторически ценную сторону творчества Гете. Весь этот «нигилистический» подход к культурному наследству прошлого, выражаю-

щийся в «теориях» активизма, дадаизма и т. д., является сам продуктом распада, загнивания капиталистического общества.

VI

Все же основная линия развития послевоенной буржуазной литературы о Гете идет в сторону обработки его творчества и философии, вытравливания из них всякого революционного и прогрессивного элемента и превращения поэта в основоположника и опору мистицизма, метафизики, религии, антропософии, психоанализа и т. д. Подобный процесс «обработки» затрагивает не только Гете, но и других представителей классического периода восхождения буржуазии. Фальсификация современной буржуазией Гегеля или Гете—вне Германии можно назвать другие имена—является попыткой осужденного на гибель общества использовать наследство прошлого для защиты своего реакционного настоящего, увековечить свое существование и помочь себе в борьбе с наступающим на него новым классом — пролетариатом.

Одним из важнейших факторов идеологической борьбы современной буржуазии являются церковь и религия. В былые времена, когда юный задорный класс буржуазии боролся с феодализмом, он наступал весьма решительно и на идеологическую надстройку феодальной формации—религию, церковь. Но сделавшись реакционным классом и поставленная в необходимость защищаться от наступающего пролетариата и его мировоззрения, диалектического материализма, буржуазия охотно бросилась в объятия церкви, чтобы с ее помощью держать в повиновении массы. Гете, как известно, и в период «бури и натиска», и в зрелый период своего творчества был врагом всякой церковной религии, жестоко издевался над догматами и бросал дерзкие вызовы тирану-богу в «Прометее». И если в старости у него и намечается некоторое примирение с религией, то все же он никогда не был тем «верующим христианином», в которого его потом начали постепенно превращать. Конечно взгляд на Гете как на «язычника» и «олимпийца» и в вопросах религии, или даже как на предшественника Дарвина, этот взгляд, распространенный в XIX в. в широких слоях буржуазии, никак не может удовлетворить современных буржуазных идеологов. Можно смело сказать, что почти все работы буржуазных критиков о Гете, написанные в эпоху империализма, требуют коренного пересмотра этой концепции: почти все они превращают Гете в защитника религии. Появляются—особенно после войны—сотни трудов, специально посвященных вопросу об отношении Гете к религии. Больше того: каждая работа о Гете, на какую бы тему она ни была написана, так или иначе затрагивает вопрос о «религиозной сущности» мировоззрения поэта. Особенно «благодарной» темой для этого оказался «Фауст», вообще стоящий в центре внимания всего буржуазного гетеведения последних трех десятилетий. Голоса богословской реакции, так рьяно метавшей гром и молнии на «язычника», антихриста и безнравственного Гете в XIX столетии, в XX постепенно замолкают. Лютеранская ортодоксия и всякие «свободные» секты и церкви сегодня уже давно забыли о своем «храбром рыцаре» («Evangelische Kirchenzeitung») и Генгстенберге, сражавшемся в первой половине XIX в. против Гете. Ныне они делают из поэта нового Лютера, а Библию—основой его мировоззрения. Чрезвычайно отрицательная интерпретация Гете, заложенная в 1882 г. в книге иезуита А. Баумгартена, постепенно исчезает из католической критики, и после войны в печати германской партии центра все чаще появляются статьи, написанные также по большей части иезуитами, уже считающими Гете почти своим человеком. Ухватившись за конец второй части «Фауста» с ее церковной символикой, католическая критика утверждает, что и величайший писатель к концу своей жизни «усумнился» якобы во всем материальном, брэнном, отвернулся от протестантизма и видел спасение в католицизме. Лютеранские богословы и «философы»-критики в этих спорах не отстают от католиков, и таким образом накопилась уже большая полемическая литература о Гете и религии, свидетельствующая о метафизации, которая так характерна для современной буржуазной философии.

Этот процесс «религиозирования» Гете начался еще до войны и не является только делом всяких «литературных» богословов: как уже указано выше, этой интерпретацией в той или иной степени пронизана вся современная буржуазная критика о Гете. Так весьма известный сейчас философ Конрад Бурдах еще в 1912 г. читал в этом духе доклад в Прусской академии наук³¹, а в своей последней статье «Религиозная проблема в гетевском «Фаусте»³² пытается доказать, что в религиозной эволюции Гете вообще не было никаких существенных изменений от его «пизитистско-неоплатонических» воззрений «бури и натиска» до второй части «Фауста»: «Искушение деятельного, работающего Фауста,—пишет он,—который в предвидении высшего бу-

душего возрастания своих забот об общем благе предчувствует то мгновение, которому он мог бы крикнуть: «Остановись! Ты так прекрасно!»,—это искупление заложено в самом сокровенном и самом давнем зародыше фаустовской концепции Гете. Оно не временное. Оно даже значительнее, чем внешний механизм божественного вмешательства по церковному представлению. Оно соответствует религиозности, которой всегда полны были глубины духа Гете. Ослепляющая легенда о великом язычнике Гете, о безмятежном олимпийце, о безбожном эгоисте и проповеднике эгоцентризма хотя живет еще поныне во всеобщем сознании, но исчезла по крайней мере из представления всех истинных гетеведов. Религиозность Гете является теперь предметом разносторонних серьезных исследований, в которых успешно принимают участие пользующиеся именем богословы наряду с философами и историками литературы». Бурдах все же считает себя «светским» философом, а не богословом и поэтому разграничивает Гете как поэта и естествоиспытателя от Гете как «нравственной личности». В первых двух случаях поэт относился к религии «иначе» (как—Бурдах не объясняет), но «в области нравственного он никогда не отрицал зародыша христианства или точнее, зародыша очищенной христианской веры в бога». И такая оценка религиозных воззрений Гете считается «либеральной» современной немецкой буржуазной критикой!

Параллельно с «философской» интерпретацией Гете как религиозно-верующего человека идет другая линия «философской» обработки его творчества, а именно: вытравливание из его мировоззрения всяких влияний революционной философии догетевского периода и «сращивание» Гете с метафизированным современными фашистскими и мистическими идеологами немецким классическим идеализмом. Это прежде всего относится к тому огромному влиянию, которое, по многократному заявлению самого Гете, оказала на формирование его мировоззрения философия восходящей нидерландской буржуазии—учение Спинозы. Известно, что Гете до конца жизни считал себя приверженцем этого философа, особенно же сильное влияние на него спинозизм имел в период «бури и натиска». Понятно, что при той метафизации, которой подвергается ныне Гете, буржуазные гетеведы прежде всего направили свои удары именно на Спинозу. Говорить о его влиянии на Гете уже считается теперь «дурным тоном». В качестве «замены» Спинозы выискиваются всякие реакционные по существу или превращенные в таковых милостью современных буржуазных «реставраторов» философы. Так известный литературовед Франц Кох в своей книге «Гете и Плотин»³³ выступает против спинозистских элементов в мировоззрении Гете и сближает его с Плотин о м и неоплатонизмом. В этой работе классовая сущность истолкования Гете видна особенно отчетливо: революционная философия Спинозы подменяется философией Плотина, в доктрине которого активный идеализм «обработан» в духе гностицизма и превращается в мистическую систему, где телесность, реальность является низшей, призрачной формой бытия. Другие сближают Гете с Лейбницем, в идеалистической философской системе которого проповедуется примирение науки и веры, признание средневекового христианства, от которого отказался Спиноза. Так Д. Манке высказывает мнение, «что и мировоззрение Гете нужно связывать не с покорным судьбе учением Спинозы, односторонне теоретического мудреца», но с «обосновывающей деятельность наукой» Лейбница, подлинно разностороннего философа³⁴. Другие ставят на место Спинозы Джордано Бруно³⁵ или Шеллинга³⁶, объясняя их влияние «метафизической потребностью» Гете.

Наибольшее количество попыток сближения Гете с немецким идеализмом за счет Спинозы исходит из среды неокантианцев. Особенно в этом деле постарался с.-д. профессор философии Карл Форлендер. Он еще в 1898 г. в «*Jahrbuch der Goethesellschaft*» опубликовал статью, где выступает против спинозизма в мировоззрении Гете и сближает его с Канто м; эту свою «теорию» Форлендер защищал еще в целом ряде статей и книг до самого конца своей жизни³⁷. За это «сближение» высказывается в своем труде и Г. Зиммель³⁸. Проблему «Кант и Гете», хотя и в ином разрезе, поставил в своей работе³⁹ Л. фон Липпа. Для него развитие от Канта к Гете—путь от естественно-научных воззрений на жизнь—«основ марксизма»—к религиозной вере. Поэтому: «Прочь от Канта к Гете! Прочь от науки к религии!» (стр. 294). Самой апологической работой на тему «сближения Канта и Гете» является книга Г. Рабеля⁴⁰. Опираясь на «достижения» Форлендера, Рабель устанавливает «полное тождество» мировоззрения Канта и Гете и делает поэта просто эпигоном и добросовестным учеником кенигсбергского философа.

Нет конечно недостатка и в попытках связать Гете с Гегеле м, опять-таки в той форме «фальсифицированного» Гегеля, как его обрабатывают современные «неогегельянцы». Литература на эту тему делается все обильнее, по мере того как «неогегельянство» после войны стало вытеснять «неокантианство». Особенно

ярим защитником этой «интерпретации» является Рудольф Г о н е г г е р⁴¹. Даже в естественно-научные работы Гете, главным образом в «учение о красках», вкладывают то «иррациональное», которым современные «неогегельянцы» с такой щедростью наделяют «немецкий идеализм». Так Г. Г л о к н е р говорит в своем докладе о Гете: «Это объективно-иррациональное—его научное проникновение и философское обуздание—является самой выдающейся из всех волнующих нас ныне проблем. Обращаются к Гете, как уже обращались к Шеллингу и Гегелю. Говорят о гетевской теории наук. Стремятся ее обновить»⁴². Линия «сближения» Гете с «немецким» идеализмом «вообще» в понимании возрождения иррационального, метафизики и мистицизма—а не с определенным представителем немецкой классической философии—также служит темой множества работ о Гете: построение нового миропонимания при помощи метафизики гетевского мировоззрения—вот основной лозунг этих работ. Эти мысли сформулировал Г. И п с е н в своей статье следующим образом: «Философия в своем широком размахе вспомнила ныне снова о своем существенном содержании; мы снова знаем, что философия в основе своей—метафизика и что эта метафизическая глубина дает ей жизнь, если только она не хочет отказаться от самой себя. Мы верим, что это—наиболее свойственный ей предмет, чуждый науки и научности. Мы верим поэтому в ее обуздывающую, упорядочивающую мощь в хаосе, в распаде настоящего. Вопросы, которые мы ставим, почва, на которой мы стоим,—одновременно старое и новое: мы снова интересуемся смыслом существования человека, его положением в космосе, сущностью духа, души,

Автограф Гете на визитной карточке:

„Тайный советник фон Гете“

Институт Русской Литературы, Ленинград

действительностью. И почва, которой мы доверяем, это мы сами,—человек занимает центральное положение. В этом смысле мы называем сущность наших метафизических вопросов антропологией. В эту антропологию вливается наука Гете. Его мышление, его познание, если не вполне, то в конечном итоге, по своим побуждениям, по своей позиции, по своей структуре представляют собой антропологическую метафизику»⁴³.

В духе такой же «смычки» Гете не столько с определенным философом, сколько с «немецким идеализмом» вообще написана и статья названного уже выше Ф. Коха⁴⁴. Хотя Гете и сохранял, говорит Кох, некоторые самостоятельные позиции, все же его «тянуло к немецкому идеализму метафизическое». Весьма знаменательна в этом отношении и книга известного гетеведа Э. К ю н е м а н а⁴⁵. Он прямо называет свое предисловие «Воспитание немецкого духа». Он обращается ко «всему немецкому народу», которому хочет помочь «еще раз пройти сначала школу своих величайших духовных вождей». Гете для него—мост к пониманию «немецкого идеализма». Характерно, что Кюнеман, относящийся к тем немногочисленным литературоведам, которые еще не совсем отказались от влияния Спинозы на Гете, хоть и допускает воздействия отдельных элементов философии великого голландца, но считает, что Гете был очарован только высоконравственной личностью Спинозы. Такое понимание «влияния» Спинозизма вообще является уже давно предельной формой отношений Гете к Спинозе, допускаемой большинством буржуазных литературоведов. Оказывается никто иной, как Спиноза, «излечил» бунтаря Гете от бурных устремлений его молодости! Карл Ф и з т о р пишет в своей книге о молодом Гете⁴⁶: «Успокоение, ясность, умиротворение исходят от этого образа [Спинозы]. Знаменитые слова об отречении как основе нравственного существования стоят в этих произведениях над Спинозой—

следовательно как раз то, чего не хватало молодой мятежности Гете. Во время жестоких страданий от своей мятежности, своего титанизма великолепное спокойствие и ясность Спинозы должны были казаться ему образцовыми» (стр. 102), «поэтому он говорит со своими друзьями о Спинозе-человеке, а не о его системе» (стр. 103). Такое же «человеченное» влияние допускает еще и Т. К а п ш т е й ⁴⁷.

Кроме этой основной линии философской интерпретации Гете как одного из столпов «немецкого идеализма» или по крайней мере мыслителя близкого к нему послевоенная буржуазная литература о Гете сближает мировоззрение Гете и с другими философскими метафизическими системами. Понятно, что в истолкованиях этих «школ» Гете прежде всего превращается в оплот против материализма и марксизма. Так К. Г е й к е еще в 1918 г. «понимал» Гете как представителя «индусско-прахристианского учения об искуплении, и путем соединения Будды, Христа, Гете и Ницше о т намеревался создать мировоззрение, которое должно было нанести окончательный удар «господству старческого материализма» ⁴⁸. Совсем мистически, в духе своей антропософии, интерпретировал Гете и небезызвестный Рудольф Ш т е й н е р ⁴⁹. Без конца ссылаются на поэта и все немалочисленные буржуазные философы «интуиции», «подсознательного» и «философии жизни» как начала всякого мировоззрения. Г. Э м е р и х в своей книге о Гете, исходя из понимания интуиции, данного Бергсоном, опираясь далее на Г. Риккерта, Зиммеля и Гундольфа, приходит к выводу, что в зависимости от правильности или неправильности ссылок «философов жизни» на Гете находится вообще все существование этой системы ⁵⁰. Людвиг К л а г е с, основатель «философии жизни», рассматривает Гете как «открывателя подсознательного» ⁵¹, а последователь Клагеса Вернер Д е й б е л ь идет еще дальше своего учителя в целом ряде работ о Гете. Не избегал также Гете и рук Ф р е й д и с т о в. Сам З. Ф р е й д подчеркнул в своей работе «Eine Kindheitserinnerung aus Dichtung und Wahrheit» братскую ревность ребенка Гете. А ученики Фрейда, исходя из всяких «комплексов» (отца, матери, сестры), сконструировали прямо-таки головокружительные «интерпретации» его творчества. Еще до войны фрейдисты писали «исследования» о роли любви, «комплекса» отца и сестры в произведениях Гете ⁵². Эта литература особенно усилилась после опубликования книги Г л а з е р а об отце писателя ⁵³. Оказывается—как отца «тянуло» в Италию, так и сына. И так как отец был строгим, то мальчик Гете «вытеснил» свой протест, и все его творчество периода «бури и натиска»—не что иное, как «восстание против отца» в форме борьбы с «личностью бога» («Прометей»). Любовь к г-же Штейн—это «вспоминание о сестре»; он до того находился под влиянием «комплекса» матери и сестры, что не мог жениться, а отсюда и любовь к «низкому творению»—Христиане Вульпиус ⁵⁴.

VII

Мы уже неоднократно подчеркивали, что с началом эпохи империализма и кризиса наступает «ренессанс Гете»; мы также пытались вскрыть классовый смысл этого «ренессанса» и того истолкования—скорее и с к а ж е н и я,—которому подвергается Гете во многочисленных работах буржуазных идеологов.

Идеологи загнивающего капитализма нашли себе козла отпущения, виновника разразившегося с небывалой силой кризиса, в технике. Класс, сам когда-то поощрявший создание промышленно-технических предприятий, всемерно развивавший производительные силы природы, сделавший множество изобретений,—этот класс в эпоху, когда производительные силы вступили в противоречие с существующей системой; переросли руководство буржуазии, видит причины зла в технике и ее отношении к человеку; не в их д е й с т в и т е л ь н о й о с н о в е, не в к а п и т а л и с т и ч е с к о м п р и м е н е н и и т е х н и к и, а во внешнем, в мертвых предметах. И вот, забредя в этот тупик, буржуазия опять зывает к духу Гете, который якобы дал уже разрешение этой проблемы.

Лейпцигский социолог Ф р е й е р, сделавшийся теперь приверженцем «идейного» фашизма, формулирует эти мысли таким образом: «Деятнадцатый век—это путь, уводящий от Гете. Если приложить ко всем достижениям, которыми гордится этот век, мерку скрытого или высказанного суждения Гете, то они предстанут перед нами как явления сомнительного достоинства, даже вредные... А между тем немецкие судьбы развиваются по противоположному направлению. Без санкции, но и без возражений вступает немецкий народ с символического 1832 г. на путь, ведущий к индустриальному обществу. Эта цивилизация, которая повсюду нуждается в специализме, но зато иссушает сердце,—все это реальности, испытываемые послегетевским веком, но в то же время силовое отрицание гетевской воли к жизни и гетевской мудрости ⁵⁵. И подобно тому, как Гомер создал богов своего народа, так, по мнению проф. Фрейера, Гете создал богов для германцев,—этих богов только надо найти.

Развитие индустриального общества «засыпало» «внутреннюю законность человечества», и оно, по Фрейеру, обнаруживается сейчас в «пробуждении» народа в фашистском движении—вот те «пророчества», которые—по Фрейеру—оставил Германии Гете, предвидевший господство техники и социальную революцию.

«Презрения» к технике и «одоухотворения» как единственного выхода из кризиса требуют очень многие «гетеведы». Т. Босс пишет по этому поводу: «Нам ведь нет иного пути, чтобы активно противостоять все увеличивающемуся внутреннему оскудению нашего века, как подобное презрение, из которого вырастает новая страстная жажда к духовным достижениям. Если не удастся отвоевать силы нашего века у техники, отвести их от ее разрушительного направления, от рабского служения промышленности и снова заставить служить духовным целям, всеобъемлющим ценностям, то у нас не останется никаких надежд на плодотворное для души будущее нашей пораженной вещами части света»⁵⁶. И выступая против «американизма» и «господства материального», Босс, предвещая Европе судьбу античного Рима, требует возврата к Гете, к «истинной гуманности» и г о с п о д с т в у д у х а. А Вальтер Л и н д е н в своей чрезвычайно характерной книге «Гете и немецкая современность»⁵⁷ прежде всего настаивает на разрушении образа Гете-олимпийца: «И перед этим образом спокойствия, твердости и гармонии стоит наша немецкая современность, раздираемая неслыханными духовными боями, потерявшая равновесие во всех колебаниях внутреннего и внешнего мира, потрясенная религиозно и, в экономически разбитом мире, неуверенная даже в насущном хлебе,—время, которое считает слово «гармония» насмешкой и издевательством и которому все крепкое, обеспеченное должно казаться безумием и миражем. Что этому времени до Гете?» И, создавая образ Гете «по образу своему», Линден продолжает: «Если наше немецкое настоящее хочет подойти к величайшей фигуре немецкого прошлого, то прежде всего надо уничтожить призрак, который препятствует нам, новым людям, понимать эту фигуру: п р и з р а к г а р м о н и ч е с к о г о Г е т е. Этот образ Гете не соответствует действительности, это химерическая абстракция, не подлинное отображение живого». «Года 1775—1789 заключают для Гете эпоху сильнейшей борьбы за чувство государства и мировоззрение. Но старец видел приход нового века машин на смену его собственной, идеалистической эпохе, «времени Гете», и как никто другой понял он опасность, признавая в то же время и неизбежность развития. К его последним завещаниям относится предостережение, изложенное в «Годах странствия Вильгельма Мейстера», предостережение, что для нового мира и его требований нужно воспитать новых людей, что великой задачей века является единение мира машин с духовными запросами. Провидец заглянул в бездны наступающего времени, он предостерегал и поучал, но никто не хотел слушать. Между техникой и миром людей не только не установили связи, но разорвали всякую возможную связь. Современное человечество стоит на груде развалин,—человечество, в котором, несмотря на все «победы техники», в Средней Европе миллионы неизбежно терпят нужду, а в Китае еще больше миллионов умирают с голоду, в то время как в Канаде сжигают пшеницу, а аргентинское мясо перерабатывается на мыло. На фоне экономического краха наших дней ярче, чем когда-либо, выступает предупреждение Гете, что для новых машин требуются новые люди, иначе машины станут проклятием, чем они и стали в действительности». «Гармонический Гете»—«легенда прошедших времен»—он, оказывается, так же мучился над «проклятыми вопросами»; как и современная буржуазия. Но может быть Линден делает из всего изложенного выше соответствующие выводы? Он призывает перестроить общество «изнутри», т. е. «из творческой идеи», из «религиозно-символического миропонимания Гете» путем «ревностной ежедневной работы» и сотрудничества «работающих» и «работодателей»,—только таким образом мыслится им преодоление «разрыва между человеком и машиной, душой и техникой». «Современному обществу недостает немецкой чувствительности» (deutsche Innerlichkeit) и «Гете показал своей жизнью, как немецкая чувствительность может завоевать мир». Те же мысли проводит в своей работе о Гете В. В и л л г е⁵⁸: «Век, истекший после телесной смерти Гете, мы признаем теперь веком упадка и разложения... Гете умер приблизительно в то время, когда на Западе бюргерство стало передавать руководство так называемой буржуазии, когда место «культуры» все больше и больше заступала «цивилизация»... Таким образом «промышленность и техника», вместо того чтобы служить, как прежде, основанием и средством для жизни в целом, сделались самостоятельными силами с собственным, неестественным развитием и разрастанием, высасывающими все больше и больше соков и энергии из круговорота всей жизни». Еще резче выступают против всего материалистического и рационалистического («логоцентрического») последователи «философии жизни» Л. Клагеса, превращая Гете в основателя философии иррационального, религиозного, подсознательного («биоцентрического»). В. Д е й б е л ь,

приверженец Клагеса, пишет в одной статье ⁵⁹: «Мы указали на «биоцентрические» ведущие линии творчества Гете, направленные к развитию культуры, поскольку они относятся к новым обоснованиям религии, преобладанию психически-бессознательного в мире человека и к определению новых целей человеческих исследований. Мы хотели показать, как и почему первая немецкая попытка осуществления этого культурного замысла продолжала исключительно «логоцентрическую» линию истории духа, не поняла религиозной установки Гете, оставила без внимания его энергичные призывы к изучению души, взятому не только в рационалистически-интеллектуально-психологическом разрезе, подчеркнула важность, придаваемую им материалистической естественной истории, машине и цивилизации, наступление которых уже «мучило и устрашало Гете». «Сущность этой цивилизации, — о которой Клагес в 1913 г. писал: она «носит облик разнузданной кровожадности, и ядовитое дыхание ее иссушает плоды земного изобилия», мы испытали ее в многочисленных проявлениях и влияниях, и в конце концов в мировой войне и ее последствиях, и в видимом противоречии этой цивилизации — в большевизме. Машина продолжает стремительно нестись вперед в своем триумфальном шествии, но в более глубоких слоях научное стремление к истине дошло уже до последних выводов разбитого жизнью, только формалистического «логоцентрического» исследования и стоит перед скепсисом и вавилонским столпотворением». Нечего добавлять, что Дейбель видит возможность спастись от этого «загнивающего мира — материализма» опять-таки в «биоцентризме» Гете.

Таких примеров «толкования» Гете как «прообраза» «трагического человека» буржуазной современности, как устранителя «разрыва» между человеком и машиной, как «вождя» в преодолении кризиса современной буржуазной культуры и идеологии можно было бы привести множество, и, повторяем, в той или иной степени эта проблема пронизывает работы всех буржуазных «гетеведов». И это не только работы литературоведов, политических деятелей, искусствоведов или философов. И с т о р и к и, б о г о с л о в ы и т. п., — все они «связывают» кризис своей «науки» с мировоззрением Гете и ищут у него выход из этого кризиса. Приведем еще один пример: Г. В ю р т е н б е р г в своем исследовании «Гете и историзм» ставит себе целью: «осветить отношение Гете к истории с точки зрения историзма, выяснить, предвидел ли Гете, и насколько, современный кризис исторического мышления» ⁶⁰, находит, что его отношение к истории «тесно роднится с современной проблемой историзма», что он один из родоначальников «субъективизма» и «интуитивного восприятия» и противник материалистического понимания истории.

В центре всех исследований о кризисе, человеке и машине, философии и мировоззрении Гете и т. д. стоят следующие его произведения: вторая часть «Фауста» и «Годы странствий В. Мейстера», т. е. как раз те, которые совершенно не привлекали внимания буржуазных идеологов в XIX в. Здесь же необходимо указать, что оба эти произведения пользуются уже давно особой любовью ф а ш и с т о в: немецкие национал-социалисты видят в «Мейстере» осуществление «умеренного социализма», а итальянские фашисты до известной степени предшественника-идеолога своих индустриальных «корпораций», противника демократии и «эгоизма» индустриально-индивидуалистического мира, а, главное, — проповедника сотрудничества предпринимателей и рабочих ⁶¹. Они считают «Мейстера» настолько «своим», что очень скоро после прихода к власти включили его в обязательном порядке в школьные программы.

Гете как «пророк» противоречий между «человеком и машиной», Гете как противник «чисто материального» развития общества, Гете как спаситель, который выведет буржуазное общество из современного кризиса, — все эти лозунги чрезвычайно распространены в послевоенной литературе о нем. Но с каким правом может современная п о г и б а ю щ а я буржуазия ссылаться в этих вопросах на Гете, идеолога буржуазии в о с х о д я щ е й? Несомненно, отношение Гете к бурному развитию промышленного капитализма его времени было д в о й с т в е н н ы м. Но что имеет эта двойственность общего с кризисом современного капитализма? Известно, что Гете относился к Великой французской революции по-филлистерски и признал ее «благодетельные последствия» лишь после того, как Наполеон взял бразды правления в свои руки и расчистил дорогу умеренно-прогрессивной буржуазии. Но когда после 1789—1815 гг. буржуазная революция расчистила почву от феодальных пережитков и наступил период «мирного» роста буржуазной экономики, то и идеологи отсталого немецкого бюргерства нашли свое «примирение» в труде и воодушевлялись грандиозным развитием производительных сил капитализма. Вторая часть «Фауста» и является гимном этому творческому труду, этому высвобождению сил природы для служения человеку. Гете очень внимательно следил за всеми новыми техническими изобретениями, живо интересовался историей техники, геологией, добычей каменного угля и т. д. И после того как в 1790 г. он увидел первую паровую машину, вопрос ме-

ханизации производства усиленно занимал его до самого конца его жизни⁶². Он со своим широким историческим кругозором и бюргерски-прогрессивным сознанием сразу понял ту революционизирующую роль, которую суждено было сыграть машине и технике в развитии общества. Он не выступает, как идеологи дворянства (например Адам Мюллер), против машинного способа производства и вообще против «индустриальной эры»,—нет, любимым его лозунгом становится «паровой машины не приглушишь». Но Гете также понял, чем грозит человечеству машина в капиталистическом ее применении. Он говорил, что она отделяет человека от результата его труда, становится между производителем-рабочим и его продуктом производства. Гете считал развитие капиталистического способа необходимым и прогрессивным, но тут же чувствует и противоречия, которые он в себе содержит; он видит отрицательные черты капиталистической «цивилизации». Интересуясь, особенно в старости, новыми техническими усовершенствованиями (особенный энтузиазм его вызвали первая железная дорога в Англии в 1814 г. и первые английские пароходы на Рейне в 1818 г.), он всегда подчеркивает, что «технизация жизни» повлечет за собой целый ряд опасностей. Тогда он боялся, что развитие путей сообщения приведет к опошлению и измельчанию культуры, к распространению посредственности. Но в основном, повторяем, эти «сомнения» не могли омрачить его радости по поводу прогресса производительных сил капитализма, и он еще незадолго до смерти выразил желание прожить еще 50 лет, чтобы увидеть прорывы Панамского и Суэцкого каналов, соединение Дуная с Рейном—осуществление проектов этих технических сооружений.

Конечно понимание противоречий капитализма у Гете буржуазно-ограниченно. Пролетариат тогда еще не существовал как «класс для себя»; в эпоху Гете сами рабочие не видели еще настоящих корней этих противоречий и разрушали машины, ибо, как пишет Маркс в «Капитале», «требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отчуждать машину от ее капиталистического применения и, вместе с тем, переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации»⁶³. В это время другого, некапиталистического, социалистического типа развития в марксистском понимании еще не существовало, и Гете со своим буржуазно-ограниченным мировоззрением полагал, что эти противоречия являются лишь необходимыми сопутствующими явлениями при переходе к другой, новой форме труда. Живя в технически отсталой стране, он думал, что «у народов с наивысшим развитием техники величайшая точность будет сочетаться с величайшей скоростью» и что машины «снова превратятся в разумные органы». Но откуда тогда у Гете эти «сомнения» наряду с его непоколебимой верой в прогресс капиталистического способа производства? Чем объясняется отрицательное его отношение к ряду «завоеваний» буржуазной «цивилизации»? Эти «сомнения» проистекают из двух противоречивых источников мировоззрения Гете: с одной стороны, прогрессивного идеолога классического периода буржуазии и, с другой стороны, филистера, приспособляющегося к существующим условиям отсталой Германии.

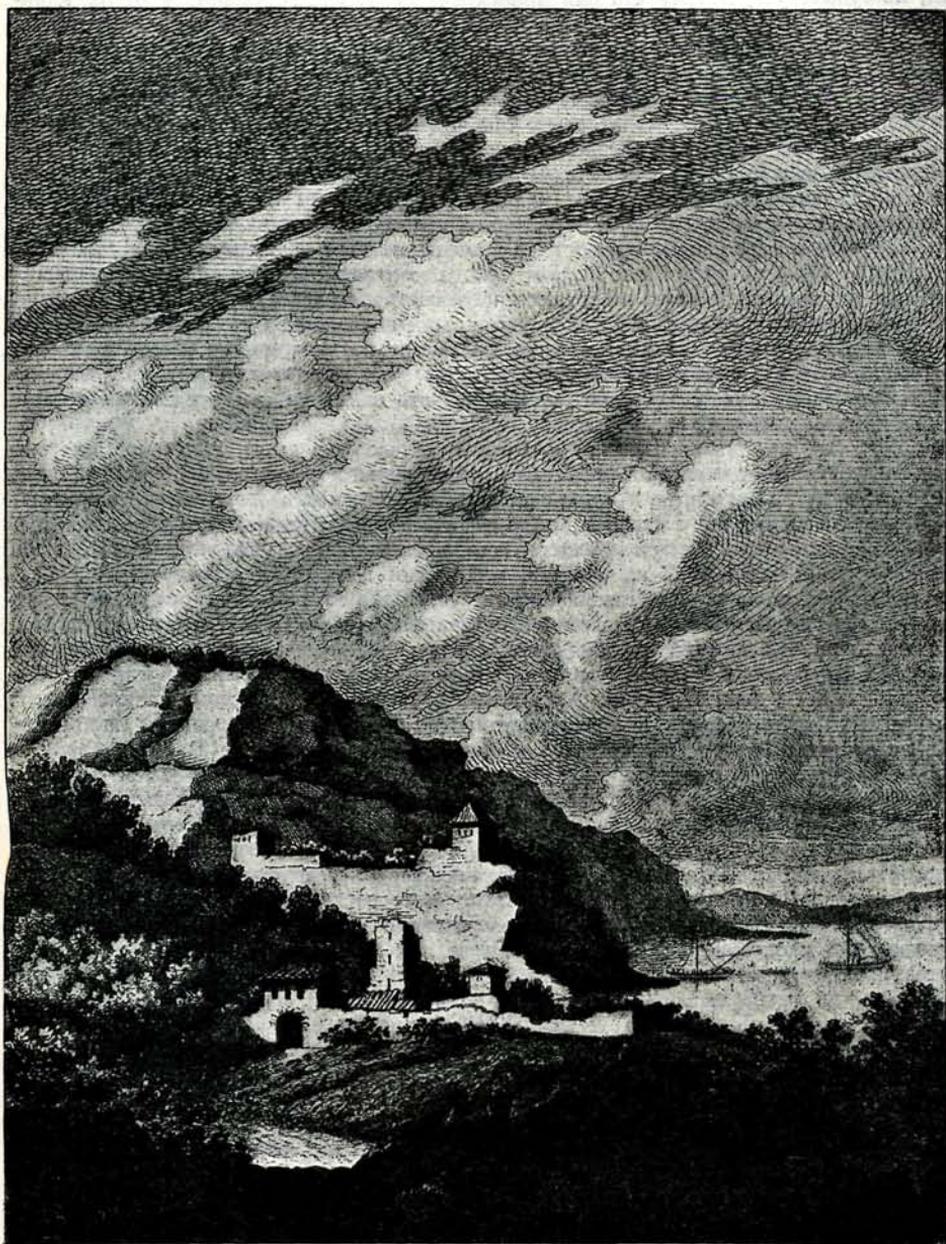
Гете был одним из последних великих классических универсальных гениев в длинной цепи развития буржуазии от Ренессанса до Великой французской революции. Блестящую характеристику этой линии развития и его представителей дал Энгельс в 1880 г. в старом введении к «Диалектике природы»: «В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир—греческая древность; перед светлыми образами ее исчезали призраки Средневековья: в Италии достигло неслыханного расцвета искусство, которое явилось, точно отблеск классической древности, и которое в дальнейшем никогда уже не подымалось до такой высоты. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература; Англия и Испания пережили вскоре затем свою классическую литературную эпоху. Рамки старого Orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и položены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена, германские народы в своем большинстве приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия.

Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности характера, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современ-

ное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвьяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптуром, архитектором и кроме того изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позднее Монталамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Маккиавели был государственным деятелем, историком, поэтом и кроме того первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хора, который стал марсельезой XVI века. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются—кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда и та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это либо люди второго и третьего ранга, либо благоразумные филистеры, не желающие «обжечь себе пальцев»⁶⁴.

Так вот, Гете был одним из последних этих «титанов мысли», «многосторонности и учености» класса буржуазии. Он был одним из величайших поэтов, но он же был и естествоиспытателем, мыслителем, археологом, искусствоведем, критиком и практическим государственным деятелем. Но он жил в период, когда разделение труда в связи с развитием капитализма успело уже «искалечить» своих «титанов мысли», и творил в стране, где «убожество» общественной жизни побеждало, «ограничивало» своего передового идеолога, и поэтому в Гете и его творчестве нет той «полноты и силы характера», нет того «цельного человека», мыслителя и борца, которых Энгельс находит в идеологах буржуазии от Ренессанса до XVIII в. Но тем не менее, если учесть все стороны мировоззрения Гете, ограничивающие классическую универсальность его гения, если учесть, что иногда он бывал типичным немецким филистером, все же для понимания «сомнений», которые он испытывал при виде развития капитализма после 1815 г., всегда нужно иметь в виду, что он был идеологом именно классического периода восхода буржуазии. В развитии буржуазного общества, как оно сложилось после 1815 г., не было места для тех «титанов мысли», которые, начиная с Ренессанса, заложили его основы. «Трезво-практическое буржуазное общество,—пишет Маркс в «18 Брюмера»,—нашло себе истинных столквателей и представителей в Сэях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен-Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Ушедши с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древнеримские призраки». Это «трезво-практическое буржуазное общество» со своим торгашеским духом построило себе «храм на бирже», и, как пишет Маркс в «Теории прибавочной стоимости»: «Капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия». Гете не был полководцем «в коммерческих конторах», и его отрицательное отношение к типично-капиталистическому применению машин и техники коренится именно в протесте универсально-классического «титана мысли» против разрушительных тенденций капитализма в области духовного творчества. Гете еще не знал социалистического выхода из этих противоречий; его рассуждения о том, что эти противоречия, как и «противоречие между человеком и машиной», будут устранены в высокоразвитом техническом обществе, вряд ли можно понять как намек на социалистический строй, ибо он еще не имел о нем представления, и его «утопия» должна была по необходимости вращаться в «буржуазно-ограниченных» рамках.

Но какое же отношение имеют эти «сомнения» Гете, его понимание противоречий капитализма к страданиям современных буржуазных «гетеведов», взывающих к духу великого писателя для указания им выхода из кризиса, для устранения «разрыва» между человеком и техникой? Ответ на эти вопли капиталистических идеологов о «господстве машины над человеком» дал уже Маркс в первом томе «Капитала»: «Не подлежит никакому сомнению,—пишет он,—что машины сами по себе не ответственные за те страдания, которые они приносят с собою. Не их вина, если они при совре-

Гравированный рисунок Гете

Воспроизведен в прижизненном Гете издании „Radierte Blätter nach Handzeichnungen (Skizzen) von Goethe“,
hsg. v. Schwerdgeburth. Weimar, 1821

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

менных отношениях «освобождают» рабочего и отделяют его от средств существования... Противоречий и антагонизмов, неотделимых от капиталистического применения машины, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения⁶⁵. А всем Фрейерам, Линденам, Виллинге, Дейбелям и другим «гетеведам», призывающим Гете спасти их от «господства машины», можно ответить опять-таки словами из «Капитала»: «Для них невозможно иное, кроме капиталистического, использование машины»⁶⁶ и «как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук»⁶⁷.

Иное дело—в социалистическом производстве. Тут не машина господствует над человеком, а, наоборот,—человек над машиной, и мы видим на примере социалистического строительства в СССР, как устраняются противоречия, неизбежные при капиталистическом строе, противоречия, так мучавшие Гете и так пугающие гибнущую буржуазию. Но в то время как Гете относился критически к буржуазному обществу в период его восхода и мечтал о новых способах производства, современные «воскресители» и «защитники» поэта являются уже яркими апологетами капитализма в период его загнивания, реакционными его защитниками от натиска нового, более высокого, социалистического способа производства. Поэтому и в данном вопросе мировоззрение Гете и мировоззрение современной буржуазии—это начало и конец развития исторической кривой класса буржуазии.

Но Гете был не только «титаном мысли», и изложенное выше понимание им техники и исторического значения развития промышленного капитализма является лишь одной—правда, основной—стороной его двойственного мировоззрения: это—его прогрессивная сторона; но в этом же его понимании технического прогресса постоянно звучала и филистерская, регрессивная, узко мещанская нотка. Энгельс указал еще в 1847 г., что это—опять-таки дань отсталости тогдашней Германии, ибо «во времена Гете цеховой строй уже разрушался, конкуренция прорывалась со всех сторон. Гете как настоящий обыватель в одном месте своих мемуаров... предаётся душу раздирающим жалобам по поводу начинающегося гниения мещанства, разорения состоятельных семей, связанного с этим развала семейной жизни, ослабления домашних связей и прочих мещанских прелестей, которые в цивилизованных странах встречают презрение»⁶⁸. Отпечаток этих мещанско-регрессивных настроений Гете лежит на всей его социальной «утопии» в «Странствованиях В. Мейстера», на его педагогических взглядах и т. д., в которых большое место отводится ремеслу. И вот именно эти отсталомещанские воззрения привлекают фашистов, особенно немецких национал-социалистов, среди приверженцев которых находится не мало разоренного крупным производством мещанства и ремесленников. В большом почете эта «утопия» Гете и у всяких организаторов «антитехнических походов» из среды крупной буржуазии. Самый уже этот факт восхваления отсталых тенденций Гете и искажения его действительно прогрессивного для того времени понимания противоречий капиталистического производства как нельзя лучше доказывает историческое место, занимаемое ныне классом буржуазии.

VIII

Характерно, что в литературе о Гете эпохи империализма преобладавшие в прежней буржуазной критике «чисто эстетические» оценки все больше и больше уступают место политической интерпретации. Правда, филологические и формально-эстетические исследования весьма многочисленны и поныне, но они, во-первых, количественно вытесняются на второй план (если не считать специальной юбилейной литературы) и во-вторых, волей-неволей окрашиваются в политические тона. Это относится в равной мере и к исследованиям не-немецких авторов, хотя нужно сказать, что интерес к Гете в не-немецких капиталистических странах во время мировой войны и непосредственно после нее по понятным причинам не был особенно велик, если не принимать во внимание той оголтелой шовинистически-империалистической агитации против Гете, на которую было указано выше. Из наиболее ценных работ о Гете не-немецких авторов этого периода можно указать на книгу известного итальянского критика и философа Б. Кроче, написанную во время войны и вышедшую в 1919 г.⁶⁹: она выдержана в идеалистически-эстетическом духе, так характерном для Кроче. В этой связи следует отметить и монографию датского критика Георга Брандеса, переведенную на немецкий язык и оказавшую своей био-психологической установкой и публицистической заостренностью в духе старого либерализма некоторое влияние на немецкое послевоенное гетеведение⁷⁰.

Излюбленный послевоенной буржуазией жанр биографии в беллетристической форме не прошел, как и следовало ожидать, мимо Гете. Сам создатель этого «жанра» Эмиль

Людвиг написал двухтомный труд о поэте⁷¹, а за ним последовали уже и типичные представители «романа-жизни» великих писателей⁷². Работа Людвига, несмотря на свою поверхностность и изложение в виде цепи цитат и анекдотов, все же имеет некоторые достоинства в том отношении, что она не чрезмерно метафизична и уделяет довольно значительное место взглядам Гете на Французскую революцию. Вообще нужно отметить, что послевоенная буржуазия проявила довольно значительный интерес к политическим воззрениям Гете и к его высказываниям о революции и государстве. Конечно она и здесь ищет в поэте именно «союзника» в борьбе против современной пролетарской революции и прежде всего совершенно не понимает действительности и о ней позиции Гете в этом вопросе. Так, П. Мюллернзифен, констатируя, что эта проблема (Французской революции) занимала Гете в 1789—1823 гг. как ни одно другое событие в его жизни, объясняет его симпатии к Наполеону исключительно тем, что Гете, во-первых, всегда мыслил в «полярностях» (т. е. крайностях) и во-вторых, что Наполеон «подавал революции». Автор опять-таки не видит другой стороны медали—исторически-прогрессивной роли Наполеона—и поэтому в конечном итоге сам признается, что позиция Гете загадочна: «Последний решительный момент этого отношения,—пишет он,—остается для нас, правда, скрытым»⁷³. Исходя из установленного им принципа «полярности», Мюллернзифен с легким сердцем пользуется легендой, созданной немецкими националистами вокруг поэмы Гете «Пробуждение Эпименида», и превращает писателя—после свержения Наполеона—в приверженца «старого Фрица».

Более радикально и более критически подходит к этой проблеме французский германист Ип. Луазо. В своей статье на эту тему⁷⁴ он приводит довольно исчерпывающие высказывания Гете о Французской революции и приходит к следующему выводу: «Идиллическое царство грез, мелочно-консервативный идеал узкого филистерства—вот, как говорят, все, что Гете смог противопоставить великой трагедии эпохи!» (стр. 55). Но конечно и он не понимает главной причины изменения отношений Гете к наполеоновской буржуазии и, говоря об идеальном для Гете государстве и общественном строе, формулирует его следующим образом: «Просвещенный деспотизм, подобный деспотизму Фридриха II и Карла-Августа, казалось ему, великолепно соответствует этой цели».

Живому интересу молодого Гете к политическим и государственным делам посвящена работа американского исследователя Ф. Г. Рейнша⁷⁵, являющегося скорее последователем историко-филологической школы. Но в своих трудах о политических взглядах Гете современная буржуазия интересуется, понятно, преимущественно «сближением» и «родством» Гете с такими идеологами, как Ницше, Бисмарк и т. д.⁷⁶

Насколько яркую политическую интерпретацию получают в современном буржуазном гетеведении всякие «чисто эстетические» и литературоведческие темы, видно хотя бы на трактовке проблемы классицизма⁷⁷, при чем в зависимости от политической ориентации авторов эти оценки классицизма бывают иногда прямо противоположными. Прежде всего, в период ожесточенного кризиса капитализма, когда Гете изображается многими как «великий страдалец» за буржуазное общество, разрушается понятие классицизма как умиротворенной формы, как гармонии. Так, В. Линден пишет в своей книге: «Таким образом подлинно гетевский человек предстает нам, как фаустовский человек: как вечно неудовлетворенный, тревожимый все новыми загадками, стремящийся после каждого достижения все дальше и дальше, как носитель нашей бесконечности, но не классического, скованного формой завершения. Под олимпийской маской—фаустовский человек, современный человек вечного становления и душевной неограниченности... Гармония в ее поверхности и филистерстве—легенда давно прошедших лет»⁷⁸.

Линден поэтому говорит о «независимом немецком классицизме», почти ничего общего не имевшим с античностью или Ренессансом.

Отсюда, из современного кризиса, происходит толкование классицизма как действительности, активизации и противовес традиционному пониманию его как примирения. Это толкование встречается у наиболее политически-активных слоев буржуазии. И наоборот: подчеркивание понимания классицизма как примирения противоположностей, как отказа от борьбы имеет место в работах менее активных, большею частью неустойчивых мелкобуржуазных критиков, которые еще сегодня мечтают о примирении классовых противоречий, о ликвидации классовой борьбы и считают «гармонический классицизм» величайшим документом в доказательство того, что искусство якобы может развиваться только в атмосфере мира и спокойствия. Обе эти тенденции дополняют друг друга, обе они представлены в сборнике статей «Немецкий альманах на 1932 г.»⁷⁹, посвященном, в связи с юбилеем Гете, проблеме «Классицизм и современность». На понимание классицизма Гете как акти-

ного воздействия указывается уже в предисловии В. фон Эйнзидела: «Мы чувствуем не только Гете,—пишет он,—мы чувствуем в нем его время, которое мы называем классическим. Мы чувствуем наше сияющее прошлое, ибо наше будущее открыто мраком» (стр. 11). «Слово и действие»—вот содержание классицизма: «Ибо слово не создается самодовлеющим; оно должно снова сделаться оформляющей силой, должно сделаться действием. Классическая поэзия есть следовательно искусство в высшем, не требующем целеустремленности, абсолютном, почти религиозном смысле; и в то же время она больше, чем искусство, ибо старается перерастать самое себя». И, называя классицизм своего рода «евангелием культуры», он подчеркивает, что это искусство можно понять только рассматривая его политически: «При этом с сознательной односторонностью выдвигается элемент активности, который так долго скрывали от нас историки литературы».

В противовес Линдену и Эйнзиделю В. Виллиге⁸⁰ и Л. Маркузе понимают классицизм Гете как примирение противоречий, как победу гармонии над действием, над фаустовским. «Говоря мифическими терминами,—пишет Виллиге,—аполлоновское обуздание и ограничение в продолжение всей жизни Гете все снова побеждает фаустовскую безграничность, как бы сильно она в нем ни была». Еще более отчетливо эти мысли сформулированы в статье Л. Маркузе: «Классическая душа,—говорится в ней,—есть душа в состоянии уравновешенности, «гармонии». «Классика—преодоление дисгармонии». «Духовность прошедшей и жизненная сила наступающей эпохи встретились на мгновение, слились на короткое время и примирили две враждебные души» (стр. 18). И он сравнивает классику с хождением по канату: она требует величайшей способности сохранять равновесие. «Она мыслима только в эпоху умиротворенного общества»⁸¹. Здесь мы видим, как мелкобуржуазный критик, проповедующий уже несколько лет теорию о том, что политика и искусство—вещи несовместимые, привносит свои взгляды и в истолкование классицизма. К интерпретации классицизма Гете как созерцательности, как победы «Гомера над Виргилием» и к пониманию Ренессанса до Гете как противопоставления искусства политике примыкают и американский критик К. фон Кленце⁸², и французский исследователь Р. Берглю⁸³.

Еще большим успехом пользуется толкование классицизма Гете в националистическом и расово-фашистском духе. В. Эльке в своей книге о поэте пишет: «Немецкий дух перекечевал из старого рыцарского вооружения и песен бардов в античный мрамор, который он с того времени одухотворил. Ибо дух гречанки Ифигении—гетевский, немецкий дух, и конфликт между обоими равноправными мировоззрениями в «Тассо»—такоже гетевский и немецкий»⁸⁴. Гете как основателя немецко-национального и даже «немецко-протестантского» классицизма рассматривает и проф. Э. Р. Курциус⁸⁵. И то явление, что в определенные периоды своей жизни Гете был космополитом, Курциус считает весьма выгодным для Германии, ибо таким образом он больше влиял на другие народы. Чисто расово-националистически интерпретируют классицизм, как и вообще все творчество Гете, германские национал-социалисты (гитлеровцы). Один из главных «теоретиков» этого фашистского движения А. Розенберг уделяет поэту в своей книге «Мир XX века» довольно значительное место⁸⁶. Национал-социалистов интересует в творчестве Гете действие, а кт и вна я его борьба, и поэтому они всегда и всюду выдвигают вперед «Фауста»: «Гете,—пишет Розенберг,—неустанно, все в новых и новых формах, указывает на живительное влияние всякого дела, даже на скромное ремесло. Фауст—величайший гимн человеческой деятельности». Национал-социалисты отклоняют эллинизм как «пассивную форму» проявления «арийской расы». И, опираясь на свою нелепейшую расовую теорию, они хотя бы возможности освободить творчество Гете от влияния греческой античности и превратить его классицизм в проявление гения «северного Запада». Обрушиваясь на критиков и эстетиков XIX в., Розенберг пишет: «Она не заметила, что восхищение Гете формально деятельным Лаокооном—одно, а деятельность Фауста—нечто существенно отличное, что германский инстинкт Гете был слишком мощен и что его творчество идет в разрез почти со всем авторитетом теоретического языка».

Вся эта критическая литература о классицизме Гете носит на себе яркий утилитарно-пропагандистский отпечаток различных группировок буржуазии, старающихся приспособить Гете для политической защиты своих реакционных устремлений; вся она совершенно не затрагивает классовой сущности классицизма, того специфического значения, которое имело возрождение античности в борьбе восходящей буржуазии. Блестящий классовый анализ функций «масок античности», под которыми юный бюргерский класс совершал свое политическое восхождение, и трактовку классицизма XVII—XVIII вв. как «неправильно понятую форму» античности дал Маркс в «18 Брюмера» и в своем письме к Лассалю от 22 июля 1862 г.

IX

Повышенный интерес к Гете, столь характерный для послевоенной буржуазии, еще усилился в третий период послевоенного развития капитализма после краха всех «теорий» «организованного капитализма», после краха периода относительной его стабилизации и вступления его в невиданный доселе всеобщий кризис. Чем глубже становится кризис и чем ближе придвигается опасность социальной революции, тем настойчивей и громче зовет буржуазия к своим гениям прошлого и ищет у них спасения. В последние годы имя Гете выдвигается как знамя «вечной», «непоколебимой» «западной» культуры против «разрушительной восточной» (пролетарской). Этому интересу к Гете способствовало еще и то внешнее обстоятельство, что в марте 1932 г. исполнилось сто лет со дня его смерти. В истории человечества мало примеров, когда юбилей писателя, даже с таким мировым именем, как у Гете, чествовался бы так торжественно, как этот юбилей. Одна из характерных черт этого торжества—его подчеркнуто международный буржуазный характер. Не только в немецких, но и во всех решительно капиталистических странах память Гете, в зависимости от характера чествующих его буржуазных партий, использовалась, в той или иной степени, для укрепления шатающихся устоев буржуазного миропорядка. Так, орган германской тяжелой промышленности «Кельнская газета» пишет о Гете как о «германской мировой державе», «наместнике немецкого духа»; Гете, по его мнению, «сделался п а р о л е м для всех граждан мира», а «царство Гете»—«исповеданием западного человечества»⁸⁷.

Подгоняя творчество Гете к своим политическим потребностям, международная буржуазия использовала его юбилей в каждой капиталистической стране по-своему, но все же через всю ее литературу о Гете за последние годы красной нитью проходит превращение имени поэта в некое международное знамя спасения капиталистического мира. Старинный английский журнал «Деятнадцатый век» называет его «величайшим европейцем со времени Эразма» и, повторяя слова Карлейля, «нашим духовным учителем»⁸⁸. Английский гетевед проф. Р о б е р т с о н констатирует в своей книге⁸⁹: «столетие со дня рождения Гете в 1849 г. дало повод к довольно сдержанному торжеству», так как тогда «слава Гете находилась на самом низком своем уровне», «в столетие же со дня его смерти в настоящем году слава эта достигла высочайшего предела». Другой английский гетевед, Н е в и н с о н, видит в произведениях Гете краеугольный камень нового общественного строя, и может быть его «пророчества» звучали бы сегодня иначе, если бы, по мнению Невинсона, последующие за Гете поколения больше читали и продумывали бы его творчество»⁹⁰.

Германский проф. Э. Р. К у р ц и у с также думает, что борьба буржуазного общества ближайших десятилетий развернется под знаменем Гете: «Мы живем с Гете,—пишет он.—Он наш спутник, он сопровождает нас в нашей жизни... В промежутке между этими двумя датами, 1832 и 1849, несколько европейцам удастся может быть сохранить живым и образ, и деятельность Гете, что имело бы чрезвычайно важное значение для нашего ближайшего будущего»⁹¹. Француз А. С ю а р э называет Шиллера фарисеем и филистером, а Гегеля «карикатурой на Гете», выступая против интернационального коммунизма, противопоставляет им Гете как «величайшего европейца» и как общее знамя для европейских народов выдвигает имя Гете⁹².

Такие же ноты слышны в американской, японской, чехо-словацкой и т. д. и т. д. буржуазно-юбилейной литературе о Гете. Международной буржуазии не так важен «действительный Гете», как использование его имени и наследства для своих политических целей, ей нужен «мифический Гете». «Действительно ли жил Гете?»—под таким заголовком «Немецкая Всеобщая Газета» помещает статью в номере от 20 марта 1932 г. и отвечает: «Несмотря на все филологические тонкости, с которыми исследовалась его жизнь, мы не видим больше перед собой биографически-цельного человека. Уже при его жизни, и еще больше после его смерти, духи боролись с его духом. Гете-миф вырос независимо от его земной действительности,—и образ его сделался настолько неустойчивым, что многие авторитеты неоднократно себе противоречили в своих суждениях о нем, как будто то действительного Гете никогда не существовало». Но это ничуть не мешало фашистской газете Гугенберга использовать юбилей этого «мифа» как «начало новой эры» для буржуазии, как средство пропаганды того, что «за материалистической эпохой и формальной демократией последует новая эпоха»—нужно только иметь смелость действовать. «Немецкий народ,—пишет о юбилее Гете прусский юнкер фон дер О с т е н,—переживает исторический час. Признает ли он его величие и увидит ли наконец — в особенности немецкий рабочий, — что его право голоса в судьбах Германии обусловлено его отказом от классовой борьбы и отношения четвертого сословия к государству?»⁹³

В борьбе против материализма и марксизма, против требований рабочего класса и вообще против революционного движения пролетариата и крестьянства буржуазия проявляет удивительно трогательную «международную» солидарность в использовании имени Гете; особенно подчеркиваются отрицательное отношение его к демократии и массам и его философия «отречения», проповедуемая ныне международной буржуазией и социал-фашизмом рабочим массам как средство вырваться из кризиса. Об этой «философии отречения», связанной якобы с учением Спинозы, и о «священной серьезности» Гете вещает например «Таймс» в юбилейной статье⁹⁴. Эти же мысли о «самоограничении» и «отречении», перенесении «страданий без жалоб» встречаются и в названном уже английском журнале «Деятельный век»⁹⁵. «Учение об отречении и самоограничении,—пишет автор,—составляло сущность его веры и деятельности. Следовать за ним—означало следовать за учителем, который идет торным путем... Терпение—условие действия, отречение—начало достижения. Это здоровое учение и поныне остается таким». На «отречение» Гете как на «новую веру» и «новую бодрость» указывает и другой солидный английский журнал «Современное обозрение». Автор статьи о Гете пишет: «Гете—великий оптимист современного мира; даже его знаменитое *Entsagung* — не пессимистическое отречение, но спокойное принятие вещей, как они есть, и наилучшее использование их»⁹⁶.

Укажем хотя бы на один пример трактовки Гете как предшественника современной фашизирующейся буржуазии во Франции опять-таки на юбилейную статью в старинном журнале «Revue des deux Mondes»⁹⁷. Автор пишет: «Парламентаризм был в его глазах одной из наиболее очевидных форм дезорганизаторского расчленения и одной из наиболее ярких иллюстраций бесплодности речей. В мире реальностей он признавал только одно действующее начало—абсолютную власть». И еще в одном вопросе достигнута некоторая «международная солидарность» буржуазии при чествовании памяти Гете: это в проповеди «сотрудничества наций», гуманизма и пацифизма во имя великого поэта в том случае, когда речь идет об обмане широких народных масс, о сокрытии противоречий империализма и истинных целей вдохновителей новых войн и интервенций. В этом вопросе гетевская буржуазная литература и высказывания дипломатов и руководителей буржуазных правительств напоминают те речи о «сотрудничестве наций», которые произносятся буржуазной дипломатией на женеvской конференции по «разоружению»⁹⁸. Так например, речи дипломатических представителей в Берлине по поводу юбилея Гете полны красивых слов о «современном гуманизме», о Гете как «первом европейце», как образце «гармонии» и «мира» для «западных народов», как «тихой пристани в страшной буре», раздирающей современную печальную историю человечества⁹⁹. Подобные же мысли преобладали и на официальных празднествах в капиталистических странах. Но эти пацифистские разглагольствования оказались мыльными пузырями, лопнувшими при первом же соприкосновении с действительностью, о чем свидетельствует хотя бы полемика немецкой фашистской прессы с французской даже во время самого юбилея.

В некоторых кругах международной, главным образом мелкобуржуазной интеллигенции раздавались отдельные голоса прот и в использования имени Гете для самозащиты современной буржуазии и вообще против такого торжественного празднования юбилея на том основании, что творчество Гете мало говорит современному обществу и современная молодежь им почти не интересуется. От лица такой молодежи, не надеющейся на «духов прошлого», выступает например Д и к к и н с о н в английском журнале «Нью Стейтсман»¹⁰⁰: «Ныне люди страдают,—пишет он,—от всеобщего скептицизма. Напрасны попытки излечить этот скептицизм возрождением прошлого. Сирены, пытающиеся сделать это, в конце концов оказывались хищными зверями. Мы должны прорасти и перерасти сегодня, как это было с Гете. Нет ничего такого, что бы он пережил, и чего бы мы, в свою очередь, не переживали». И автор советует молодежи брать пример с Гете, не терять надежды и веры в лучшее будущее. Некоторая слабая оппозиция против юбилея наблюдалась вначале и в среде немецких мелкобуржуазных писателей, но вся немногочисленная «оппозиционно»-буржуазная литература не сыграла почти никакой роли и потерялась, как соринка, в общей юбилейной литературе о Гете.

X

Но было бы ошибочным думать, что международная буржуазия в последние годы интерпретировала творчество Гете по какому-то единому шаблону и праздновала его юбилей в полном единодушии: нет, противоречия между капиталистическими странами и между отдельными фракциями буржуазии внутри каждой страны обнаруживаются отчетливо и в этой гетевской литературе. Можно сказать, что каждая буржуазная политическая партия чествовала с в о е г о Гете, пересоздавала его «по образу и по-

добию своему» и «обрабатывала» его творчество для своих актуально-политических надобностей. Поэтому, чтобы дать более наглядную картину «путей изучения и понимания Гете на Западе» в обзоре литературы за самые последние годы, лучше всего проследить интерпретации Гете политическими партиями и, так как «нельзя объять необъятного» в одной статье-обзоре, то мы остановимся в основном на политических партиях Германии.

Из самых правых, открыто фашистских партий целиком отклоняет Гете только маленькая группа приверженцев генерала Людендорфа. Исходя из своей расовой теории, согласно которой действительными людьми признаются только северные германцы до нашей эры, Людендорф видит даже в Гитлере «наемника Рима» и в идеологической области отклоняет решительно все, что так или иначе связано с «иудаизмом, христианством, масонством, социализмом» и т. д. Для этой группки Гете—

ГЕТЕ ВЕРХОМ

Силуэт неизвестного художника (1810 г.)

Собрание А. Киппенберга, Лейпциг

позор «немецкой нации», ибо он был в течение 50 лет членом масонской⁷ ложи. Этот «поход» против Гете открыл «сам» Людендорф. А его жена выпустила к юбилею книгу, в которой «доказывает», ссылаясь также на работу Гуго Мейера «Правда о Шиллере», что Лютер был... убит Меланхтоном, Лессинг... Мендельсоном, Моцарт... Сальери, а Шиллер—«братом Гете», т. е. членом франк-масонской ложи¹⁰¹. (То обстоятельство, что Шиллер, так же как и Гете, был членом весьма безобидных масонских лож, жены Людендорфа, как будто, не касается). Но одного такого юбилейного «подарка» было повидимому недостаточно для группки Людендорфа. И поэтому другой единомышленник генерала, Э. Рост, также издал книгу под названием «Фауст Гете—франк-масонская трагедия»¹⁰², ибо, как он пишет: «Разъяснения по поводу Гете важны потому, что многие считают деятельность этого поэта одной из главных основ немецкой культуры» (стр. 5). И затем автор «развенчивает» стремления Гете, уверяя, что целью их было «установление мирового господства еврейства», называет Мефистофеля «типичным евреем», а Фауста Гете—его сообщником. В богатой символике «Фауста» он то находит «шестиконечную звезду царя Давида», то видит в Гретхен «образ обманутого германства, ослабленного христианством», и т. п. Хотя эти «глубокие мысли» Роста не очень новы (зачатки такой антисемитской «трактовки» «Фауста» встречаются уже у Евг. Дюринга¹⁰³, но мы вкратце остановились и на этой «интерпретации» Гете для того, чтобы показать, на что способен «цвет культурной Германии», которым считают себя эти люди, больше всех кричащие об «опасности» большевизма для «культуры».

«Интерпретация» Гете группкой Людендорфа может вызвать только улыбку, гораздо большего внимания требует к себе критическая литература о Гете национал-социалистической партии (гитлеровцев), ибо как вся программа этой партии, так и культурная ее политика содержат не мало социальной демагогии, рассчитанной на уловление мелкой буржуазии и малосознательных рабочих и крестьян. Основоположными работами для оценки Гете национал-социалистической критикой

считаются книги Чемберлена, Ад. Бартельса и А. Розенберга, опирающиеся помимо прочего на расовую теорию, идею национальности и культ великой личности. Для Розенберга, сколько бы он ни расшаркивался перед Гете, этот писатель все же не может стать «вождем» в активной борьбе национал-социалистов, ибо он не был «образующей новые типы личностью». «Гете,—пишет он,—изобразил в Фаусте нашу сущность, пребывающую в нашей душе после каждого ее преобразования. Он сделал поэтому единственным для нашего народа хранителем и сторожем наших особенностей (Anlage). Когда минуют времена ожесточенных боев, Гете снова начнет оказывать действие вовне. В ближайшие же десятилетия он однако отойдет на задний план, ибо ему была ненавистна сила образующей новые типы идеи, и он не хотел как в жизни, так и в творчестве признавать диктатуру мысли... если бы он сейчас находился среди нас, он бы не был вождем в борьбе за свободу и пересоздание нашего века»¹⁰⁴.

Но по мере того как приближался юбилей и борьба вокруг Гете все разгоралась, национал-социалисты все больше «присваивали» себе Гете. В серии статей «Гетевские торжества Баварского государственного театра» центральный орган гитлеровской партии «Völkischer Beobachter» находит, что «сейчас «Гец» может быть современнее, чем когда-либо. Ведь современное хаотическое состояние Германии напоминает плачевную сумятицу в немецком государстве при Максимилиане I»¹⁰⁵. «Эгмонт» Гете гитлеровцы также рассматривают «как захватывающую песнь атаки... созданную молодым Гете и звучащую в наше готовое для наступления время»¹⁰⁶. Более программную статью гитлеровцы опубликовали, когда стал известен порядок официальных торжеств в Веймаре во время «гетевской недели» (20—26 марта). Национал-социалисты выступили против этих торжеств, но не потому, что они против Гете, а потому, что, по их мнению, программа юбилея была составлена в недостаточном националистическом и фашистском духе, что приглашены были иностранцы, евреи, пацифисты и большевики». И дальше центральный орган Гитлера указывает на то, что они, фашисты, ценят в Гете: космополитизм, гуманизм и все прогрессивное в Гете они считают преходящим в его творчестве, это—«мертвый Гете»; а «вечно живым» является для них как раз все регрессивное и оголтело-расовое, которое они ему приписывают. Гете, говорят они, был «исключительно немцем» и стоял за «разумный социализм», хотя это не значит, спешат они прибавить, «что мы хотим подогнать Гете под национал-социалиста (что, кстати сказать, не потребовало бы слишком больших усилий)»¹⁰⁷. И чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что надо понимать под «немцем», фашист Шотт говорит в своем докладе о «Фаусте» в Мюнхене: «Перевес немецкого человека заключается в его религиозной силе»¹⁰⁸.

Но рекорд фашистской «интерпретации» Гете побил тот же д-р Георг Шотт в своей статье «Идеал вождя у Гете». Оказывается... Гете написал вторую часть «Фауста» специально для того, чтобы дать «образ вождя» для Гитлера. «Фауст, некоронованный представитель нового государства, полный могущества. Живое воплощение той силы, «которая испытывает блаженство, повелевая!» П р и р о ж д е н н ы й вождь народа, которого манит единственный, высший идеал, затмевающий все соображения данного момента: «обосноваться на свободной земле со свободным народом». И распределив весьма прозрачно роли старого императора, Мефистофеля, архиепископа-канцлера вплоть до черных ворон во второй части «Фауста» между представителями государственной власти современной Германии, автор проводит ясную параллель между Фаустом и Гитлером. Само собой разумеется, что современную Германию может спасти только такой вождь. «С этих точек зрения,—продолжает Шотт,—нужно рассматривать Фауста, чтобы понять великий смысл его...»¹⁰⁹

Излишне добавлять, что национал-социалисты используют Гете на каждом шагу для борьбы с материализмом и революционным рабочим движением, как это особенно подчеркнул примкнувший к фашизму писатель Ганс Иост в своем юбилейном докладе в «Фихтеском обществе» в Берлине. Национал-социалисты и в литературной критике, так же как и во всех других областях своей «борьбы», выказывают себя самыми заядлыми реакционерами. Люди, претендующие на роль «обновителей» Германии, протестовали против участия Гауптмана, В. фон Моло и французского германиста Лихтенберже в веймарских торжествах только на том основании, что они якобы «неарийского происхождения!»

В связи с оценкой Гете национал-социалистами интересно остановиться в кратких чертах и на интерпретации Гете итальянскими фашистами. Известно, что Италия придавала особенно важное значение гетевским торжествам. Фашистское правительство основало специальный институт германской культуры, и сам Муссолини открыл торжества речью на немецком языке, в которой он преимущественно останавливался на значении Рима для творчества Гете: «Рим,—говорит Муссолини,—который он пре-

возносит как высшую школу мира, Рим, который, по его словам, дает прибежище богам всего мира, выполняет ныне свою обязанность, торжественно справляя праздника, посвященные памяти этого великого ума. Дух и образ Рима тесно связаны с творчеством Гете. Фашистско-империалистическое понимание «миссии Рима», без которого якобы Гете не был бы Гете, и подчеркивание а к т и в и з м а в творчестве поэта—вот лейтмотивы, проходящие через многочисленные юбилейные статьи о Гете в Италии. Так, Эдмению Д ж и в а н е т и писал в январе 1932 г.: «Немцы и итальянцы, сто лет спустя после смерти Гете, неожиданно оказались объединенными в идее Рима; как для латинских, так и для германских народов великолепная зрелость поэта и человека имеет тот же смысл, что и римское солнце... Но нам нравится в Гете уже не то, что он был полубогом литературы, а то, что он был человеком, прошедшим через все возрасты с удивительной жизнеспособностью!» Другими словами, подобно тому, как итальянские фашисты превратили Гегеля в предтечу фашизма и создали «активизирующее» неогегельянство, т. е. фашизованно-искаженную и фальсифицированную философию Гегеля объявили своей «теорией государства», так и сейчас они проделывают приблизительно такую же операцию с творчеством Гете. О том значении, которое фашисты придают Риму в творчестве Гете, можно судить хотя бы по юбилейной статье фашистского философа Джентиле и по статьям в специальном гетевском номере журнала «L'Illustrazione Italiana» (Milano, 20/III 1932). Весьма характерными для отношения итальянского фашизма к Гете являются также две статьи—В. Пикколи¹¹⁰ и Дж. де Лоренцо¹¹¹ в журнале «Иерархия», редактируемом самим Муссолини. Так, Пикколи пишет: «В Европе, мучимой и часто сбиваемой с пути чрезмерным интеллектуализмом, мы, итальянцы и фашисты, смогли выступить энергично, во имя более возвышенной идеи, основные истины которой коренятся скорее в живом действии, чем в убого-горделивом измышлении теорий. Поэтому мрачный монолог, которым начинается «Фауст», имеет для нас высшую и современную ценность». Как мы видим, итальянские фашисты «ценят» и фальсифицируют для своих реакционных политических целей Гете так же, как это делают германские национал-социалисты: они расходятся между собой только в некоторых специфических мелочах, объясняющихся разницей актуальных задач, которые ставят себе эти партии.

Из не-фашистской юбилейной литературы о Гете в Италии можно указать лишь на весьма безобидную и аполитичную статью К р о ч е¹¹².

Оценка Гете национал-социалистами во многом родственна литературе о Гете, исходящей из кругов фашизма типа Гугенберга и его «немецко-национальной партии». Особенно усердно эксплуатирует имя поэта «Немецкая Всеобщая Газета»: она уже в течение двух последних лет регулярно дает тенденциозно подобранные и вырванные из контекста изречения Гете и во время юбилея вела последовательную агитацию против «материализма», «технизма» и рабочего движения, прикрываясь все тем же именем Гете. Для нее юбилей Гете только тогда достигнет цели, когда удастся мобилизовать массы на «действительную борьбу» с материализмом и убедить например ученых отказаться от «материалистической точности науки». Так, д-р Д р о с с пишет в одной статье от 17 февраля 1932 г.: «Поскольку мы окажемся в состоянии превратить это требование в действие, постольку мы сможем поднять столетний юбилей Гете от уровня благочестивого, но бесплодного жеста до сознательного построения духовного будущего». Теперь, по мнению автора, после ста лет «накопления столь непоэтических» материальных ценностей, мы приходим наконец к убеждению, что «сердце (Herzgedanke) побеждает голову (Kopfgedanke)». То-есть опять тот же неновый уже лозунг: долой технику, да здравствует дух и мистика.

Сюда же относится и ряд работ о Гете, исходящих из фашизирующихся националистических кругов, даже если их авторы и не всегда связаны организационно с «немецко-национальной партией». Ближе всего примыкает к ней националистическая пропаганда, развиваемая по поводу юбилея Гете многочисленными организациями «Auslandsdeutschtum», т. е. пропаганды среди немцев, живущих вне пределов Германии¹¹³.

Для интерпретации Гете в кругах правых националистов характерна например книжка проф. Г. Майнка «Гете и Бисмарку»¹¹⁴. Обращаясь к студенчеству, Майнк жалуется, что есть такие бессовестные политические партии, которые хотели помешать празднованию юбилея Гете, принадлежащего «всем немцам» (под этими партиями подразумеваются германская компартия и СССР). Проф. Майнку горько даже подумать об этом: «Ведь мы в нашем хаотическом, покрытом мрачайшими грозowymi тучами настоящем имеем, подобно нашим предкам после битвы у Иены, только наше лучшее прошлое, чтобы придать нам силы и бодрости для лучшего будущего» (стр. 4). И «сближая» Гете с Бисмарком, показывая, «как дух Гете» оформил «тело» царства Бис-

марка, давая своим политическим требованиям определение «Реакции прогресса» (1), проф. Майнк патетически восклицает: «Гете и Бисмарк—высочайшие вершины немецкого духа—означают чувство мира и чувство государства, означают Веймар и Потсдам в органическом слиянии как величайшую задачу будущего». И обращаясь с призывом к фашистской студенческой молодежи, оратор впадает в шовинистический экстаз реванша, напоминающий времена мировой войны: «Немецкая молодежь призвана сейчас к тому же, к чему была призвана французская после разгрома 1870—1871 гг.... Подражай исконному врагу... Колесо мировой истории повернулось с того времени, но оно будет вращаться до тех пор, пока Германия снова не очутится наверху... Тени Гете и Бисмарка сопровождают наш народ в отдаленнейшее его будущее как благословляющие духи-хранители и воодушевляющие вожди»... и т. д. и т. д.

Наряду с такой националистической пропагандой имя Гете было использовано и церковными организациями всех направлений как клятвенное показание в пользу библии и религии и против марксизма и атеизма. Вообще нужно отметить, что если почти вся буржуазно-критическая литература о Гете эпохи империализма стоит под знаком превращения Гете в религиозно-верующего человека, то тем более это относится к непосредственной юбилейной литературе. Даже Гергард Гауптман пишет в своей статье, что «нет мудрого человека без глубокой связи с религией»¹¹⁵. Для воинствующих пасторов из союза протестантской ортодоксии «Christliche Wehrkraft» в творчестве Гете содержится «христианские корни немецкой культуры»¹¹⁶. И целая волна «новых интерпретаций» «Фауста» как апофеоза протестантского учения об искуплении затопила в связи с юбилеем книжный рынок¹¹⁷.

Еще больше, чем непосредственно после войны, во время юбилея повернулась лицом к Гете и католическая критика. Иезуиты из партии центра поняли, что то резко отрицательное отношение, которое проявлял раньше католицизм по отношению к Гете, сегодня уже весьма непопулярно в среде буржуазии. Один из руководителей культурной политики партии центра—иезуит Фр. Муккерманн—проявляет в своей юбилейной книге о Гете¹¹⁸ чрезвычайную «терпимость» не только к протестантизму, но даже к натур-деизму. И если иезуит Баумгартен в 1882 г. жаловался на безнравственно-языческие «Римские элегии», то Муккерманн считает теперь, что они отражают «еще не успокоенную совесть» и находит, что они «действуют по-католически». Он, далее, не скупится на похвалы «самовоспитанию» Гете и сравнивает его с «великими людьми католицизма», даже с основателем иезуитского ордена Игнатием Лойолой, а произведение Гете характеризуются как «гимн творению».

Еще более политически заостренно чувствовал Гете орган католических клерикалов «Новая Империя». Баумгартен в том же 1882 г. назвал «Странствования Вильгельма Мейстера» шшитым из лоскутков романом, автор же статьи в «Новой Империи» считает его теперь познанием высшего порядка. Политический смысл творчества в интерпретации современных католических клерикалов раскрывается в следующем месте статьи: «Гете чувствует, что окружающий, фаустовский, мир уходит, он чувствует утомление государств и королей от потрясений политических переворотов. А гибель может быть предотвращена только ценой отречения, и для Гете на вопрос—в чем твой долг? может быть только один ответ: повинуйся требованиям дня. Обществу и воля его гласит: труд и закон. И эти слова Гете были обращены к той Германии, которая пришла после него, которая возвала к жизнеспособным людям и потребовала исповедания сообщества в государстве. В этом—завещание Гете немецкой политике»¹¹⁹. Отречение и «закон и порядок»—вот то «ценное», что находило в творчестве Гете воинствующие фашистские клерикалы, вожди культурной и политической реакции, и ради этого «ценного» они охотно превращают и «язычника», «безнравственного» Гете¹²⁰ в католика.

Таким образом фашизм, национализм и клерикализм в широком масштабе «приспосабливают» Гете к своим актуально-политическим целям. Как же к нему относятся буржуазно-демократические партии, теряющие за последние годы все больше свое влияние в Германии и усиленно фашизирующиеся? Эти партии раньше и громче всех говорили о «сотрудничестве наций» внутри страны и призывали «во имя Гете» к «классовому миру»: «В международной игре интриг, в самораздирании немецких партий,—пишет «Vossische Zeitung» 20 марта 1932 г.,—эти дни, посвященные памяти Гете, должны означать передышку, отрешение от современного, предвидение той высоты, на которой повседневные заботы растворяются в служении духу». В таком же духе составлено известное воззвание по поводу юбилея, подписанное членами правительства и представителями литературы и искусства. Немногим от этого отличаются юбилейные статьи «Berliner Tageblatt». Чего ждет «демократическая» буржуазия от Гете—указывают статьи третьего руководящего органа современной германской «демократии», «Frankfurter Zeitung». «Посмотрим на самих себя,—

пишет Фридрих Зибург в номере от 20 марта 1932 г.—Взглянем на себя посреди нашего народа, теснящихся на скале времени, окруженных хаотическим напором волн политического и экономического бедствия. Это—великий час национального потрясения, и вдруг нам начинает казаться, что год Гете—передышка, мгновение, во время которого наша мысль проясняется, секунда раздумья, и в эту секунду мы можем уяснить себе, будет ли это потрясение вечной участью нашей или все-таки когда-нибудь наступит гармония и нашему народу предстоит обрести как внутренний, так и внешний мир, самосознание, нравственную верность и истинное спокойствие». И Зибург обращает свои взоры на Гете: он — «противоядие» хаосу — может быть спасет немецкое общество (читай капитализм), «и если не слишком поздно начать борьбу, то он [Гете] должен назначить час»...

Но, увы, и заклинание «духа Гете» не помогло и не поможет буржуазии преодолеть кризис. А насколько «серьезно» относится эта буржуазия к своим фразам о пацифизме и «классовом мире», об этом свидетельствует хотя бы статья одного «демократического» государственного деятеля в «Vossische Zeitung» от 20 марта 1932 г., где этот, с позволения сказать, «гетевед» пишет, что «общественные работы в крупном масштабе, как в «Фаусте», правда, разрешимая задача, но в настоящее время она кажется сделалась невозможной». «Я не отношу к категории невозможного,—продолжает он,—борьбу с наступающими враждебными государству элементами, потому что очевидно, что эта борьба, если действовать энергично, может увенчаться успехом... Нельзя предоставлять массу самой себе в ожидании ее гибели, по отношению к ней справедливы слова Гете Эккерману: «что мы не сможем побороть длящееся долгое время насилие добротой, кротостью и моральной деликатностью, если нам нужно считаться со смешанным и в то же время нечестивым миром». Таким образом я нахожу у Гете соответствующее моей природе выражение для всего». Такова проповедь «классового мира» на практике... И можно не сомневаться, что под этой «враждебной государству массой» подразумевается исключительно коммунистическое движение.

Но как же чествовал Гете «цвет» немецкой буржуазно-«демократической» интеллигенции? Нужно отметить то явление, что официальная Германия, склонявшая на все лады во время торжеств слова «культура» и «искусство»... не сочла нужным пригласить к участию в них организаци и даже своих архибуржуазных писателей! Но тем не менее десятки и сотни писателей и критиков, еще считающих себя «демократами», выступали с речами и в печати по поводу юбилея¹²¹. Так, основной темой многочисленных выступлений Томаса Манна было «Гете как представитель бюргерской эпохи». В понятие «Гете как бюргер» Манн включает все, начиная от любимых блюд писателя до «высот гетевского духа». Сущность «бюргерского», как такового, он видит в свободном духе Гете, «указующем на будущее». И объясняя «неудовлетворенность» Гете во второй части «Фауста» «индивидуализмом», Манн приходит к следующему выводу: «Смысл бюргерского в том, чтобы свободой бюргерского духа преодолеть бюргерство. Путь Гете в надбюргерское, к «недогматическому коммунизму», является примером, который дает этот величайший сын бюргерства бюргеру наших дней, задачей, которую должен взять на себя немецкий бюргер, если он не хочет быть отброшенным в сторону и сменен другой человеческой породой»¹²². Т. Манн повидимому забывает, что утопическое противопоставление буржуазно-интеллигентского «коммунизма» марксизму и пролетарскому коммунизму—совсем не новая идея, а старая избитая пуганица, созданная еще немецкими левыми экспрессионистами.

В основном же высказывания буржуазно-«демократической» интеллигенции о Гете вращаются вокруг лозунгов выдвижения «царства духа против царства техники» и американизма, создания нового «гуманизма», противопоставления «сильной духовной индивидуальности» массам, вокруг бесконечных жалоб по поводу кризиса, причиной которого оказывается «служение маммоне», миру материального, вместо поклонения «духовному единству нации» и т. д.¹²³ Мечте о «humana civilitas», о построении такого общества, которое стояло бы «между индивидуализмом и коллективизмом», также уделяется место в гетевской литературе этой буржуазной интеллигенции, мечте, против которой Вернер Зомбарт, действуя в интересах крупной буржуазии, также мобилизовал имя Гете как свидетельствующее против «ложной гуманности», которая, следуя по пути гигиены, должна была неминуемо выродиться в заботы о калеках и общее социальное обеспечение.

Свою оценку Гете дала и более радикальная, мелкобуржуазная интеллигенция. В противовес Маннам, Гауптманам и т. д. эта группа вначале относилась довольно отрицательно ко всей буржуазной шумихе вокруг юбилея, но, во-первых, и она дальше филантропических требований не пошла, а во-вторых, она также выставляла лозунги «духовного царства» против «промышленности и техники» и быстро умолкла¹²⁴.

Другие мелкобуржуазные писатели, как например Ф. М е р и н г, выступают с критикой фашистской интерпретации Гете, но в то же время они совершенно не понимают исторического значения творчества этого писателя и еще меньше—позиции пролетариата в вопросах буржуазного литературного наследства¹²⁵.

Но как буржуазно-«демократические» писатели типа Манна или Гауптмана, являющиеся апологетами капитализма, так и мелкобуржуазные «критики» современного общества остаются в своей гетевской литературе в н у т р и этого общества, не затрагивают его основ и в конечном итоге и их выступления по поводу юбилея—лишь «разночтения» в единой защите буржуазной культуры и капитализма.

XI

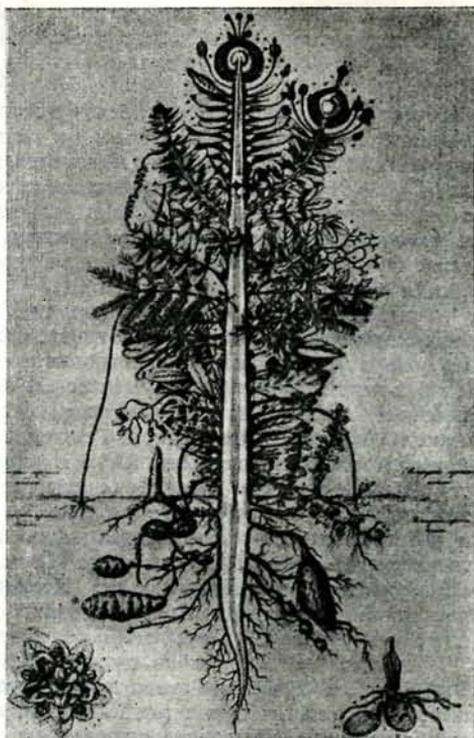
Там, где дело идет о спасении капитализма, хотя бы и именем Гете, не могут конечно не участвовать социал-фашисты. В прессе американской, французской, голландской и т. д., особенно же австрийской и германской с.-д. партий, появилось не мало юбилейных статей, мало отличающихся от статей остальных буржуазных органов; в общем о с.-д. юбилейной литературе можно сказать следующее: те же пацифистские фразы, те же лозунги о «законе и порядке» против «хаоса», те же требования «самоограничения», как и в буржуазной печати. Или же наиболее «левые» авторы, наряжаясь в марксистскую фразеологию, впадают в мелкобуржуазный радикализм, защищают Берне против Гете, отрицают за поэтом какое-либо значение для пролетариата или наоборот—приписывают ему, следуя за Ф. Мерингом, чрезмерное значение в будущем социалистическом обществе. Нужно сказать, что с.-д. юбилейная литература неоднородна и не выдержана с определенной точки зрения, иногда она даже резко противоречива. Но в ней мы напрасно искали бы марксистской оценки Гете, анализа историко-классовой обусловленности его творчества и его значения для пролетариата. Большинство с.-д. газет и журналов, особенно французских, вообще отделалось несколькими историко-филологическими заметками.

Возьмем статью А. С а л о м о н а в руководящем немецком социал-фашистском теоретическом органе, в журнале Р. Гильфердинга «Die Gesellschaft». Автор констатирует то печальное явление, что юбилей Гете совпадает с эпохой хаоса и беспорядка. «Но все силы раздробления и разрушения, отрицания и разложения всегда и снова вызывают силы противодействующие... Где опасность, там появляется и средство спасения»¹²⁶. Этим «спасением» является «эпоха идеи и сущность великого». А действительное содержание этого «великого»—в добровольном признании высшей заслуги и в смиренном и покорном согласии с установленной иерархией» (стр. 235—236). «Но простым и истинным всюду и всегда будет величие, ибо оно одно охватывает всякий произвол и все субъективное и укладывает их в законность и порядок вечных форм. Единственно величие создает меру, форму и закон. Мы взываем к памяти Гете, как к образцу и мере величия, и его чистый образ противопоставляется искаженному лику эпохи» (стр. 237). И наконец: «Так как Гете думал и творил величественно, то он не мог жить в мире озлобления (т. е. революции), ибо оно позорит человека и делает его несвободным» (стр. 261) и «в этом признании необходимого примирения закона и свободы в создающем человеке заключено понятие о т р е ч е н и я» (стр. 253). Эта статья, помещенная, повторяем, в руководящем органе германской с.-д. партии, могла бы вполне свободно появиться и в буржуазном журнале.

Об «эпохе хаоса» и Гете как гармонии твердит и Альфред К л е й н б е р г¹²⁷, а считающийся наиболее радикальным критиком с.-д. партии Карл Ш р е д е р пишет: «Цель—полная оценка могущественного достижения духа, каким является творчество Гете,—эта цель будет достигнута только после завоевания рабочим классом общественной власти. До того возможно лишь «о г р а н и ч е н и е»¹²⁸. А как эти «левые» с.-д. критики мыслят это использование Гете в социалистическом обществе, об этом говорит немецкий с.-д. критик Чехо-Словакии д-р Эмиль Ф р а н ц е л ь в своей речи, где, рассматривая Гете как идеолога восходящего революционного бюргерства, но также и как великого провозвестника нового мира «социализма», считает, что «в новом мире, к которому стремится пролетариат, он вполне созрел и для понимания красоты языка Гете»¹²⁹—и больше ничего! Как будто у Гете ценен только язык, и как будто этот язык—вечный идеал!

Но для многих с.-д. газет и журналов более характерна интерпретация Гете как чистого эстета и писателя, никакого значения для рабочего класса не имеющего, писателя исключительно эгоистичного, в полемике с которым Берне и писатели «Молодой Германии» были правы. «Для пролетариата Гете потерян,—воскликает В. Ш у м а н н в своей статье¹³⁰,—ибо он был буржуа, и понятен только буржуазии!» Так же приблизительно думают и авторы руководящих теоретических органов австрийской и голландской с.-д. партии¹³¹, хотя они допускают и некоторое прогрессивное зна-

Рисунок Гете
Схематическое изображение перворастения
(Urpflanz)
Goethehaus, Веймар

чение за «эстетическим индивидуализмом» того времени. «Содержание «Фауста» не имеет для нас уже никакого значения», пишет орган германских «левых»¹³². В таком же духе — о правоте Берне, об отсутствии у Гете всякого политического чувства, о том, что «он жил не в истории, а в природе» и т. п.—выдержаны и все статьи Германа Венделя¹³³. Но характерно, что в социал-фашистской прессе ни одна статья не ставит вопроса о действительных социально-экономических корнях творчества Гете, и даже Герман Вендель считает, что «мы, так же как Гете, должны перебросить мост от катастрофы к порядку и снова и снова восстанавливать разрушенное этими катастрофами».

Так же противоречива и юбилейная литература «левого крыла» германского социал-фашизма, отколовшегося от германской с.-д. партии, так называемой «социалистической рабочей партии», хотя вся серия статей принадлежит одному автору — проф. Анне Зимсен¹³⁴. В одной статье она считает Гете только консервативом, в другой — почти марксистом. То она находит, что он мало говорит уму рабочих, то (3 апреля) пишет: «Никакая спортивная тренировка не сделает боеспособным голодающее тело. Никакая политическая выучка не даст голодному духу силу чувства и воли, веру в будущее человечества, в которой мы нуждаемся для победы. Гете для нашего духа — врата к красоте, к богатству, к прирожденной мудрости и доброте, в которых мы нуждаемся, как в хлебе, молоке и фруктах для нашего тела. Только в новом и лучшем общественном строе мы сможем вполне насладиться его миром. Ибо только тогда творчество Гете пробудится к истинной жизни». Такое антимарксистское понимание роли искусства и литературного наследия буржуазии коренится в худших традициях II Интернационала.

Можно в двух словах упомянуть и об интерпретации Гете современными анархистами и индивидуалистами, той ничтожной горсточкой, которая осталась еще от «детской болезни левизны» так называемой «Коммунистической рабочей партии Германии». В юбилейной статье газеты этой группки¹³⁵, в состав которой входит несколько анархоиндивидуалистов интеллигентов (газета выходит один раз в месяц), выставляются на первый план антирелигиозные стихи Гете, сам же он рассматривается как «революционер в области культуры и морали и реакционер в области политики». Революционность его оказывается состоит в «отрицательном отношении к моногамии». Из среды этих или подобных им групп вышла повидимому и книга под тремя псевдонимами¹³⁶, в которой также «волокиство» Гете считается весьма революционным. Это конечно

не помешало буржуазной критике вопить о «безобразиях» критики коммунистической, как будто марксистская оценка Гете имеет что-нибудь общее с выходками этих снобов.

XII

Совершенно по-иному, чем вся буржуазная и псевдомарксистская с.-д. критика, подошла к юбилею Гете коммунистическая критика. Она неустанно твердила, что пролетариат не нуждается в фальсификации Гете, не закрывает глаза на двойственность мировоззрения и творчества поэта, на прогрессивные и реакционные его стороны. Исходя из гениальной оценки Гете Энгельсом в 1847 г., коммунистическая критика дала поистине марксистскую его интерпретацию, всячески разоблачая приспособление буржуазией творчества Гете для своих политических целей.

Марксистская критика на Западе еще сравнительно слаба. Количественно она не выдерживает сравнения с рассматриваемой в настоящей статье буржуазной критикой. Но уже в 1930 г., когда «юбилейные приготовления» только намечались, П. Рейман в журнале «*Unter dem Banner des Marxismus*» поместил большую статью, разоблачающую излюбленные буржуазией методы искажения творчества и создания всяческих «легенд», особенно вокруг Гете и классического периода немецкой литературы¹³⁷. Автор вскрывает лживость мифа о «покровительстве» классической литературе со стороны веймарского двора, очищает Гете от густого слоя благоглупостей, которыми этот писатель был забросан в работах Гундольфа и др., устанавливает прогрессивные и регрессивные стороны мировоззрения поэта, влияние на него Спинозы, отличие творческого метода Гете от метода Шиллера, указывает на истинный смысл поэмы «Пробуждение Эпименида» и т. д. Несмотря на переоценку революционности, диалектики и материализма в произведениях Гете, статья Реймана представляет большой интерес и особенно ценна своей разоблачительной ролью.

В этом же приблизительно духе П. Рейман написал и юбилейную статью о Гете¹³⁸. Указывая на классовую сущность буржуазной шумихи вокруг юбилея, Рейман пишет: «В сущности говоря год Гете показывает только полную неспособность буржуазии понять ее собственное лучшее прошлое». Нужно только прибавить, что это вовсе и не в интересах современной буржуазии. Более подробный анализ дают обе юбилейные статьи К. А. Витфогеля. В первой из них автор проводит параллель между празднованием юбилея Гегеля и Гете и замечает: «Международная буржуазия одинаково плохо понимает этих гениев духа—как первого, так и второго. С одной стороны, буржуазии с классово обусловленной необходимостью не хватает методологических предпосылок, чтобы уяснить себе явления, подобные Гегелю и Гете, в их историческом аспекте, с другой стороны, угрожаемая отовсюду оборонительная позиция, занимаемая ныне буржуазией вследствие кризиса капитализма, сделала политически невозможным всякое, самое минимальное приближение к истинному их пониманию»¹³⁹. В другой своей статье в берлинском «*Rote Fahne*» Витфогель, разоблачая в связи с юбилеем маневры национал-социалистов, социал-фашистов и др., пишет: «Таким образом можно политически злоупотреблять Гете, но ни в коем случае не понимать его»¹⁴⁰. И дальше, опираясь на статью Энгельса, автор дает краткий популярный анализ творчества Гете и его значения для рабочего класса.

В условиях террора, в которых приходится работать коммунистическим партиям в капиталистических странах Запада, пролетариат не имел достаточной возможности противопоставить буржуазной шумихе вокруг юбилея Гете пропаганду марксистско-ленинской оценки его и разоблачение искажений творчества Гете фашистами и социал-фашистами; попытки коммунистических рабочих и писательских организаций и союзов устроить свои публичные—даже в закрытых учреждениях—выступления в противовес буржуазным торжествам пресекались и запрещались полицией. Так, берлинский с.-д. полицей-президент запретил вечер, организованный марксистской рабочей школой с докладами «Гете в марксистском освещении». И когда берлинское отделение Всегерманского союза писателей осмелилось было допустить на устраиваемый им гетевский вечер наравне с буржуазными докладчиками и выступления писателей-коммунистов, то правление союза всячески боролось против такого «либерализма».

Но коммунистическая критика, несмотря на запреты и преследования, не молчала. И после окончания официальных юбилейных торжеств в ряде политико-теоретических и литературных журналов и газет компартии и связанных с ней организаций появились статьи, подтверждающие творчество Гете марксистскому анализу¹⁴¹. Журнал союза революционных и пролетарских писателей Германии «*Die Linkskurve*» выпустил специальный номер, посвященный юбилею Гете (май 1932 г.), в котором кроме статей К. Витфогеля и Г. Лукача полностью перепечатана по-немецки—впервые после 1847 года—статья Энгельса о книге К. Грюна «Гете с человеческой точки зрения».

Не менее важны и статьи, разоблачающие фальсификацию творчества Гете в буржуазной и с.-д. юбилейной литературе^{1,2}. И хотя эти статьи, особенно в теоретической своей части, иногда и содержат положения дискуссионного порядка, все же они, исходя из оценки Гете, данной Энгельсом, в основном дают политически правильный анализ как творчества самого писателя, так и фальсифицирующей его юбилейной литературы.

Ленин в «Государстве и революции» говорит, что после смерти революционных мыслителей делаются попытки превратить их в «безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их и м е н и для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая с о д е р ж а н и е революционного учения, притупляя его революционные острие, опошляя его». Если такое искажение было проделано «теоретиками» из II Интернационала с цельным и революционным учением Маркса и Энгельса, то тем легче это удалось буржуазии, оперировавшей с таким двойственным творчеством, каковым является творчество Гете. Вся история буржуазной критической литературы о Гете показывает, как буржуазия, по мере превращения своего из класса восходящего, прогрессивного в класс нисходящий, загнивающий, отрицает, искажает прогрессивную сторону мировоззрения Гете и выдвигает и восхваляет в его двойственном творчестве именно то, что для нее приемлемо или кажется ей наиболее политически подходящим для защиты капитализма на данном этапе развития и соотношения классовых сил. Подобное искажение Гете, как мы видели в обзоре, особенно усиливается с наступлением эпохи империализма и достигает своего апогея во время юбилея в нынешнем году. Выше собрания, издания, текстологической и историко-филологической обработки произведений самого Гете и огромного количества материалов о Гете и его времени буржуазное гетеведение подняться не смогло. Правильного критического анализа и интерпретации творчества поэта буржуазия, несмотря на свои напыщенные декларации о «свободе» и «объективности» науки, по самой своей классовой сущности не может дать. Ее может дать и дает только пролетариат с помощью единственно научного метода—диалектического материализма. И это как нельзя нагляднее показало празднование юбилея Гете двумя противоположными мирами: капиталистическими странами и СССР.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Michael H o l z m a n n, «Aus dem Lager der Goethegegner». Berlin, 1904 (Deutsche Literatur-Denkmler, Bd. 129).

² F. G l o w e r, «Goethe als Mensch und Schriftsteller» (1823).

³ K. E. S c h u b a r t h, «Zur Beurteilung Goethes» (2 тома) и «Über Goethes «Faust» (Vorlesungen, Berlin, 1830).

⁴ Karl-Friedrich G ö s c h e l, «Hegel und seine Zeit. Mit Rücksicht auf Goethe». Berlin, 1832; E г о ж е, «Unterhaltungen zur Schilderung Goethescher Dicht- und Denkwiese». 3 Teile. Schleusingen, 1834—1838.

⁵ Karl G u t z k o w, «Über Goethe im Wendepunkte zweier Jahrhunderte». Berlin, 1836.

⁶ Подробно см. об отношении «Молодой Германии» к Гете работу: Dr. Oskar K a n e h l, «Der junge Goethe im Urteile des Jungen Deutschland». Greifswald, L. Bamberg, 1913.

⁷ Gustav K ü h n e, «Portraits und Silhouetten». Hannover, 1843, 2 Teil, S. 1 u. f.

⁸ Karl G r ü n, «Goethe vom menschlichen Standpunkte. Darmstadt», 1846.

⁹ Alexander B a u m g a r t n e r, «Goethe und seine Werke». 3 Bände (1882).

¹⁰ Prof. Dr. George W i t k o w s k i, «An der Schwelle des Goethe-Jahres» («Minerva-Zeitschrift», 8 Jg., Jan.-Febr. 1932).

¹¹ Hermann G r i m m, Vorlesungen über Goethe (1876).

¹² См. особенно статью В. Дильтея, «Goethe und die dichterische Phantasie» (1877), вошедшую затем в его известную книгу «Das Erlebnis und die Dichtung. Lessing. Goethe. Novalis. Hölderlin von Wilh. Dilthey». 6 Aufl. Leipzig u. Berlin, 1919.

¹³ Эти тенденции «отстранения» влияния Спинозы на Гете усиливались все больше и больше после 1899 г. Так один «исследователь» считает даже «неисторическими» слова Гете в его «Поэзии и правде» об определенном влиянии на него Спинозы (F. r. W a g n e s k e, Goethe, Spinoza und Jacobi, 1908). Другой рьяно нападает на Э. Геккеля за то, что он осмеливается находить Гете спинозистом и материалистом; он называет дарвинизм «английской болезнью», превращает Гете в чистого метафизика, мистика, антисемита и... оккультиста.

¹⁴ Max Seiling, «Goethe und der Materialismus» (Leipzig, 1904). Karl Federn, «Goethe» («Arbeiter-Zeitung», 27/VIII 1899).

¹⁵ Аналогичную оценку творчества Гете Меринг дает и в двух других юбилейных статьях 1899 г. («Leipziger Volkszeitung», 2 Beilage zu № 195 от 24 авг. 1899 г. и в статье в юбилейном номере с.-д. журнала «Wahre Jakob»). Ср. также две его статьи о Гете, написанные позднее: «Goethe am Scheidewege» («Neue Zeit», 1909, 2 Band und «Goethe-Egmont» («Die Volksbühne», 1892—1893, 6 Heft).

¹⁶ См. воспоминания Hans W. Fischer, «Der lebendige Goethe» («Vorwärts», New-York, 19/III 1932).

¹⁷ Max Grünwald, «Goethe und die Arbeiter». Dresden, Kaden. С.-д. партия подала апелляцию, и доклад был разрешен полицией только несколько лет спустя; он был прочтен впервые в 1908 г. в Берлине.

¹⁸ Gustav Landauer, «Goethe» (1749—1832), «Der Sozialist». Anarchistische Monatschrift. August-Heft 1899.

¹⁹ Houston-Stewart Chamberlain, «Goethe.» Bd. 1—2 (1 Auflage 1912), München, F. Bruckmann, 1923.

²⁰ Georg Simmel, «Goethe». Leipzig, 1913 (русск. перевод А. Габричевского. М., ГАХН, 1928).

²¹ Friedrich Gundolf, «Goethe». Berlin, Bondi, 1920 (1-е издание 1916 г.).

²² Goethes Faust, Nach Entstehung und Inhalt erklärt von Ernst Trautmann. In 2 Bänden. 2 Aufl. München, Beck, 1919.

²³ Louis Bertrand, «Goethe et le Germanisme» (первонач. опубликовано в «Revue des deux Mondes» 15/IV 1915; перепеч. в сб. статей Бертрана «Les grands coupables». Paris, p. 35—64).

²⁴ «Une page inédite de Maurice Barrès» («Revue de Littérature comparée». Numéro consacré à Goethe. Paris, Jan.-Mars 1932).

²⁵ См. например книгу Karl Bensingер, «Was bedeutet die Goethesche Faustdichtung dem Menschen und der Menschheit?» Mannheim, 1927 (S. 419). Автор рассматривает «Фауста» как высшую поэму человеколюбия, пацифизма, восхваления республики и преодоления «необузданности».

²⁶ Adolf Bartels, «Weimar und die deutsche Kultur». Weimar, Fritz-Fink-Verlag, 1921.

²⁷ См. по этому вопросу книгу Julius Bab, «Goethe und die Juden». Berlin, Philo-Verlag, 1926 (Die Morgen-Reiche, 3).

²⁸ Thomas Mann, «Goethe und Tolstoi». Aachen, Verlag «Die Kuppel», 1923.

²⁹ Karl Sternheim, «Tasso oder Kunst de juste Milieu», 1921.

³⁰ Max Herrmann (Neisse), «Die bürgerliche Literaturgeschichte und das Proletariat». Berlin, 1922.

³¹ Konrad Burdach, «Faust und Moses» (Sitzungs-Berichte der Berliner Akademie der Wissenschaften. 1912).

³² K. Burdach, «Das religiöse Problem in Goethes Faust» («Euphorion», Bd. 33, Heft 1—2, S. 3—83, 1932). Из другой важнейшей литературы на эту тему укажем на работы: Heinrich Hertz, «Fausts Himmelfahrt» («Die Ernte», Festschrift für Franz Muncker, Halle a/S., S. 59—72); Heinrich Rickert, «Fausts Tod und Verklärung» («Deutsche Vierteljahresschrift für Literatur und Geisteswissenschaft», Bd. 3, S. 1—74, 1924); Werner Schultz, «Goethes Urfaust und Faust II in ihrer religiösen Problematik (Zeitschrift für Theologie und Kirche, N. F. 8 Jg., S. 274—300, 1927); Hans von Schubert, «Goethes religiöse Jugendentwicklung». Leipzig, Quelle und Meyer, 1925; Erich Frantz, «Goethe als religiöser Denker». Tübingen, Mohr, 1931; Gustav Krüger, «Die Religion der Goethezeit». Tübingen, Mohr, 1931; Wilhelm Loew, «Goethe als religiöser Charakter». München, Chr. Kaiser-Verl., 1924; Dr. Paul Benrath, «Goethe und Lüther». Tübingen, Mohr, 1919; Ernst Neubauer, «Goethes religiöses Erleben». Tübingen, 1925.

³³ Franz Kocsh, «Goethe und Plotin». Leipzig, 1925.

³⁴ Dietrich Mahnke, «Leibnitz und Goethe. Die Harmonie ihrer Weltansichten». Erfurt, 1924, S. 3.

³⁵ Werner Saenger, «Goethe und Giordano Bruno. Ein Beitrag zur Geschichte der Goetheschen Weltanschauung». Berlin, E. Ebeling, 1930.

³⁶ H. Berendt, «Goethe und Schelling» (Festschrift für B. Litzmann. Berlin, 1921, S. 77—104).

³⁷ C. Karl Vorländer, «Kant-Schiller-Goethe» (1. Aufl. 1907); 2. Aufl. Leipzig, 1922; Derselbe, «Die Philosophie unserer Klassiker. Lessing-Herder-Schiller-Goethe». Berlin, Dietz, 1923.

³⁸ Georg Simmel, «Kant und Goethe». Leipzig, 1916.

- ³⁹ Lazar von Lippra, «Der Aufstieg von Kant zu Goethe». Berlin, Mittler und Sohn, 1921.
- ⁴⁰ Gabriele Rabel, «Goethe und Kant». Wien, 1927. См. также статьи: Jonas Cohen, «Das Kantische Element in Goethes Weltanschauung» («Kantstudien», 1905) und Joseph N adler, «Hamann-Kant-Goethe» (Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft. Geisteswis-Reihe. 8 Jg., Heft 3, Halle, 1931).
- ⁴¹ Rudolf Honegger, «Goethe und Hegel» («Jahrbuch der Goethesellschaft, Bd. XI, S. 38—111, Weimar, 1925).
- ⁴² Hermann Glockner, «Das philosophische Problem in Goethes Farbenlehre». Ein Vortrag. Heidelberg, 1924, S. 21.
- ⁴³ Gunther Ipsen, «Goethes Naturwissenschaft und die Philosophische Anthropologie» («Insel-Almanach auf das Goethejahr 1932», Leipzig, 1932, S. 162).
- ⁴⁴ Franz Koch, «Goethe und der deutsche Idealismus» («Euphorion», Bd. 33, Heft 1—2, S. 153—201, 1932).
- ⁴⁵ Eugen Kühnemann, «Goethe». Leipzig, Insel-Verl., Bd. 2, 1930.
- ⁴⁶ Karl Viëtor, «Der junge Goethe». Leipzig, Quelle und Meyer, 1930 (Wissenschaft und Bildung, Bd. 262).
- ⁴⁷ Theodor Kappstein, «Goethes Weltanschauung». München, 1921 (Philosophische Reihe, Bd. 6).
- ⁴⁸ Kurt Geucke, Goethe und das Welträtself. Von künftigen Dingen. Berlin, 1918, S. 21.
- ⁴⁹ Rudolf Steiner, «Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung». 2. Aufl. Stuttgart, 1924; Derselbe, «Geisteswissenschaftliche Erläuterungen zu Goethes «Faust». Philos. Anthropolog. Verlag, Dornach, Bd. 2, 1922.
- ⁵⁰ Hermann Emrich, Goethes Intuition». Tübingen, Mohr, 1928.
- ⁵¹ Ludwig Klages, «Goethe als Seelenforscher» (Jahrbuch des Freien Deutschen Hochstifts, Frankfurt a/M. 1928).
- ⁵² Напр.: J. Harnik, «Psychoanalytisches aus und über Goethes Wahlverwandtschaften» («Imago» I, 1912); Eduard Hitschmann, «Goethe als Vatersymbol» (Intern. Zeitschrift für Psychoanalyse, I, 1913); Derselbe, «Ein Dichter und sein Vater» («Imago» IV, 1915/16); Otto Rank, «Das Inzestmotiv in Sage und Dichtung» (1912).
- ⁵³ Rudolf Glaser, «Goethes Vater nach Tagebüchern und Zeitberichten». Leipzig, Quelle und Meyer, 1929.
- ⁵⁴ См. статью Ed. Hitschmann, «Psychoanalytisches zur Persönlichkeit Goethes» («Imago» XVIII, 1932). Проблеме «Любовь и Гете» посвящены также работы последователей Фрейда: Theodor Reik, «Warum verliess Goethe Friederike» («Imago» XV, 1929); Philipp Sarasin, «Goethes Mignon» («Imago» XV, 1929); Brunold Springer, «Der Schlüssel zu Goethes Liebesleben». Ein Versuch. Berlin, «Die Neue Generation». В стороне от ортодоксальной школы Фрейда стоит работа—Felix A. Theilhaber, «Goethe, Sexus und Eros». Berlin, Horenverlag, 1929.
- ⁵⁵ Prof. Dr. Hans Freyer, «Der Dichter und sein Volk» («Deutsche Allgemeine Zeitung», 20/III 1932).
- ⁵⁶ Dr. Georg Boss, «Erziehertum im Sinne Goethes und Fichtes. Gedanken zur Krisis der modernen Bildung». München, 1927, S. VIII.
- ⁵⁷ Walter Linden, «Goethe und die deutsche Gegenwart», 1932.
- ⁵⁸ Wilhelm Willige, «Goethe. Umriss seiner geistigen Gestalt». Weimar, 1932.
- ⁵⁹ Werner Deubel, «Der Geist als Widersacher der Seele». Zur Metaphysik des Lebens bei Goethe und Klages («Deutsche Rundschau», 56 Jg., Berlin, Mai 1930).
- ⁶⁰ Gustav Württemberg, «Goethe und der Historismus». Leipzig, Teubner, 1929, S. 3.
- ⁶¹ Paola Honegger, «Il pensiero politico e sociale di Goethe». Torino, 1924 (с предисл. G. Solari).
- ⁶² Karl Muthesius, «Goethe und das Handwerk. Sein Verhältnis zum werktätigen Volk und zur handwerklich-künstlerischen Erziehung». Leipzig, 1927.
- ⁶³ К. Маркс, «Капитал», т. I, 8-е изд., стр. 329.
- ⁶⁴ Архив К. Маркса и Фр. Энгельса, т. II, 1925, стр. 155—157.
- ⁶⁵ К. Маркс, «Капитал», т. I, 8-е изд., стр. 339.
- ⁶⁶ Там же, стр. 340.
- ⁶⁷ Там же, стр. 493.
- ⁶⁸ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 151.
- ⁶⁹ См. нем. перевод—Benedetto Croce, «Goethe». Mit Genehmigung des Verfassers verdeutscht von Julius Schlosser. Amalthea-Verlag (1920).
- ⁷⁰ Georg Brandes, «Goethe». 4. Aufl. Berlin, 1922.
- ⁷¹ Emil Ludwig, «Goethe. Geschichte eines Menschen». 2 B-de. Stuttgart und Berlin, Cotta, 1920.

⁷² См. например романы Jean-Marie Carrière, «La vie de Goethe» (русский перевод «Великий язычник». Повесть жизни Гете. Перев. с франц. З. Шамуриной. М., изд. Сабашниковых, 1930); Klara Hofer, «Frühling eines deutschen Menschen». Die Geschichte des jungen Goethe. Leipzig, Hesse und Becker, 1932; Walter Bloom, «Faust in Monbijou». Leipzig, Koehler, 1932.

⁷³ Paul Müllensiefen, «Die Französische Revolution und Napoleon in Goethes Weltanschauung» («Jahrbuch der Goethesellschaft», Bd. 16, 1930, S. 93).

⁷⁴ Hippolyte Loiseau, «Goethe et la Révolution Française» («Revue de Littérature comparée». Jan.-Mars 1932, pp. 49—80).

⁷⁵ Frank-Hermann Reinsch, «Goethe's political interests to 1787». Berkeley, 1923 (University of California Publications in Modern Philology. Vol. 10, № 3, pp. 183—278).

⁷⁶ См. например работы: Ernst Bertram, «Nietzsches Goethebild» («Festschrift für Berthold Litzmann zum 60. Geburtstag». Berlin, 1921), или диссертацию Maria-Agnes Salewski, «Goethe als Erzieher Nietzsches», Leipzig, 1929.

⁷⁷ На формально-эстетической точке зрения в значительной мере стоит еще Оскар Вальцель («Das ästhetische Glaubensbekenntnis von Goethes und Schillers Hochklassizismus»). In Jahrbuch der Goethesellschaft. 16 Bd. 1930, S. 261—292.

⁷⁸ Walter Linden, l. c., S. 18.

⁷⁹ Deutscher Almanach für das Jahr 1932. Leipzig, Ph. Reclam, jun., 1932.

⁸⁰ Wilhelm Willige, «Goethe. Umriss seiner geistigen Gestalt». Weimar, 1932, S. 82.

⁸¹ Ludwig Marcuse, «Die Klassik. Ihr Reich und ihre Grenzen» («Deutscher Almanach für das Jahr 1932», S. 17—22).

⁸² Camillo von Klenze, «From Goethe to Hauptmann». Studies in a Changing Culture. New-York, The Viking Press, 1926, p. 3—66.

⁸³ René Berthelot, «Goethe et l'esprit de la Renaissance» («La Nouvelle Revue Française», 1 mars 1932, pp. 438—444).

⁸⁴ Waldemar Oehlke, «Zurück zu Goethe, denn er ist unser Berlin», 1932, S. 19.

⁸⁵ Ernst-Robert Curtius, «Goethe ou le classique allemand» («La Nouvelle Revue Française», 1 mars 1932, pp. 321—350).

⁸⁶ Alfred Rosenberg, «Der Mythos des 20 Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit». München, 1930.

⁸⁷ «Die deutsche Weltmacht Goethe» («Kölnische Zeitung», 27/III 1932).

⁸⁸ Laurie Magnus, «Goethe a Hundred Years after» («The Nineteenth Century», vol. CXI, № 661, March, 1932, pp. 376—384).

⁸⁹ J. G. Robertson, «The Life and Work of Goethe». 1927. New edition 1932.

⁹⁰ H. W. Nevinston, «Goethe as Man and Poet». 1932.

⁹¹ E. R. Curtius, l. c., p. 330.

⁹² André Suarés, «Goethe l'universel» («La Nouvelle Revue Française», 1 mars 1932, pp. 378—413).

⁹³ V. d. Osten, «Das Goethe-Jahr die Wende» («Deutsche Allgemeine Zeitung», 27/III 1932).

⁹⁴ Prof. Ernest Barker, «Goethe, Philosopher and Poet» («The Times», 22/III 1932).

⁹⁵ Laurie Magnus, «Goethe a Hundred Years after» («The Nineteenth Century», vol. CXI, № 661, March 1932).

⁹⁶ Prof. H. A. Atkins, «Goethe after a century» («Contemporary Review», № 795, March 1932, p. 326).

⁹⁷ Robert d'Harcourt, «La sagesse, pratique de Goethe» («Revue de deux Mondes», 15/III 1932, pp. 343—371).

⁹⁸ Кстати, на параллель этих «двух событий» нередко указывает и критическая юбилейная литература о Гете.

⁹⁹ Эти высказывания напечатаны в журнале «Der Welt-Spiegel» № 10 от 6 марта 1932 г.

¹⁰⁰ G. Lowes Dickinson, «Goethe as Man and Poet» («The New Statesman and Nation», 14/XI 1931).

¹⁰¹ Mathilde Ludendorff, «Der ungesühnte Frevel an Luther, Lessing, Mozart und Schiller». München, Ludendorf-Volkswarte-Verlag, 1932.

¹⁰² E. Rost, «Goethes «Faust», eine Freimaurertragedie». Versuch einer Klärung—kein Kommentar. München, ibidem, 1932.

¹⁰³ Dr. E. Duhring, «Die Grossen der modernen Literatur». Bd. I. Leipzig, Veri. Naumann.

¹⁰⁴ Alfred Rosenberg, «Der Mythos des 20 Jahrhunderts». München, 1930, S. 486—487.

- ¹⁰⁵ 1 Beiblatt, 23/II 1932.
- ¹⁰⁶ 2 Beiblatt, 26/II 1932.
- ¹⁰⁷ «Die Goethe-Gedächtnis-Woche in Weimar und wir» («Völkischer Beobachter», 10/II 1932).
- ¹⁰⁸ Ibidem, 5/III 1932.
- ¹⁰⁹ Dr. Georg Schott, «Goethes Ideal vom Führer. Eine zeitgemässe Faustbetrachtung» («Völkischer Beobachter», 9/III 1932); см. также статью «Die Eiserne Goethefront», 27—29/III 1932.
- ¹¹⁰ Valentino Piccoli, «Dal Werther all' Ortis» («Gerarchia». Rivista politica. Direttore Benito Mussolini. Anno XII (№ 2, Febbraio, 1932).
- ¹¹¹ Giuseppe de Lorenzo, «Roma e Goethe» (Ibidem, № 8, 3/III 1932, pp. 190—200).
- ¹¹² Benedetto Croce, «Un contrasto tra la vecchia età e la nuova». Il «Palaephron und Neoterpe» di Vollgango Goethe («La Critica», Anno XXX, 20 marzo 1932). Статья представляет собою филологическое введение к переводу названной поэмы Гете.
- ¹¹³ См. например юбилейный номер журнала «Der Auslandsdeutsche», Stuttgart, 1932.
- ¹¹⁴ Harry Maunс, «Goethe und Bismark. Ein Wort an die akademische Jugend». Festrede geh. am 18 Jan. 1932. Marburg, 1932.
- ¹¹⁵ Gerhard Hauptmann, «Goethes Wesen und Werk» («Pester Lloyd», 27/III 1932).
- ¹¹⁶ Hans Pförtner, «Goethe und Golgotha». München, P. Müller, 1932.
- ¹¹⁷ См. например книги: Gustav Kochheim, «Faust im Zeichen des Kreuzes». Hamburg, 1932; Karl Wizenmann, «Faust und der Weg zum Leben»; F. Fink, «Hofdruckerei», 1932; Friedrich Barth, «Das Christentum nach Goethes Faust». Degerloch, A. Merian, 1932; специально против материализма направлена книга W. Rossman, «Goethes Faust». Bremen, Quelle und Meyer Nachf., 1932.
- ¹¹⁸ Friedrich Muckermann, «Goethe». Bonn, Verlag der Buchgemeinde, 1932.
- ¹¹⁹ Dr. Marianne Thalmann, «Ein Lebens- und Schicksalsbuch des deutschen Menschen. Zum 100 Todestag Goethes» («Das Neue Reich», Wochenschrift für Kultur, Politik und Volkswirtschaft. Wien etc, № 25 vom 19 März 1932).
- ¹²⁰ Клерикальная мюнхенская газета «Bayerischer Kurier» все еще по традиции считала нужным подчеркнуть в своей юбилейной статье «либертинажу» и аморализм Гете. Подобные высказывания встречаются ныне только в виде исключения.
- ¹²¹ Одним из наиболее характерных документов гетевской литературы этой группы буржуазной интеллигенции является юбилейный номер журнала «Neue Rundschau», April 1932 со ст. Т. Манна, Г. Гауптмана, Г. Бенна, Э. Людвига, Г. Гессе, Я. Вассермана и нескольких других немецких авторов.
- ¹²² Цитирую по «Vossische Zeitung» от 15/III 1932, 1 Beilage.
- ¹²³ См. статьи: Генрих Манн, «Wir feiern Goethe» («Berliner Tageblatt», 22/III 1932, 1 Beilage); Eduard Spranger, «Goethe und der Wandel der Zeit» («Insel-Almanach» auf das Goethe-Jahr 1932; S. 88—103); Julius Bab, «Das Leben Goethes». Eine Botenschaft. 4 Aufl. Leipzig, 1932, etc.
- ¹²⁴ См. например статью Рудольфа Панвица в «Literarische Welt» 22/III 1932.
- ¹²⁵ Walter Mehring, «Pg. Goethe» («Die Weltbühne», 23/II 1932).
- ¹²⁶ Albert Salomon, «Goethe» («Die Gesellschaft», hrsg. v. Dr. Rud. Hilferding. Berlin, März 1932, S. 233—259).
- ¹²⁷ Alfred Kleinberg, «Goethe und unsere Zeit» («Der Sozialdemokrat». Soz.-dem. Monatschrift. 14 Jg. März 1932, S. 7—8).
- ¹²⁸ Там же, стр. 10. См. также более радикальную статью К. Шредера, «Goethe im Lichte des Klassenkampfes» («Sozialistische Bildung», Heft 1, Januar 1932, Berlin).
- ¹²⁹ Цитирую по изложению доклада в «Prager Presse» № 64 от 4 марта 1932 г. Доклад Э. Францеля со статьями А. Клейнберга, К. Крауса, Ф. Меринга и отрывка из Энгельса напечатаны в сборнике чехо-словацкой с.-д. немецкой партии: Goethe-Festschrift. Sonderdruck aus dem Arbeiter-Jahrbuch. Prag, 1932, S. 48. Этот сборник нам был недоступен.
- ¹³⁰ Wolfgang Schumann, «Zum Goethetag» («Die Volksbühne», 6 Jg., № 12, März 1932, S. 493—503).
- ¹³¹ Alfred Appler, «Goethe, des Bürgertums grösster Sohn» («Der Kampf», XXV Jg., Heft 3, März 1932, S. 133—137); Johan Winkelер, «Goethe» («Die sozialistische Gids», Jg. XVII, März 1932, pp. 172—178).
- ¹³² «Leipziger Volkszeitung», 21/III 1932.
- ¹³³ Hermann Wendel, «Goethe zu seinem 100 Todestag» («Arbeiter-Jugend» Berlin, März 1932, S. 90—92); Derselbe, «Goethe und die Gegenwart» («Vorwärts», Berlin, 20/III 1932; Derselbe, «Goethe und wir» (Ibidem, 22/III).

¹³⁴ Anna Siemsen, «Der Bürger Goethe» («Sozialistische Arbeiter-Zeitung», 18/III 1932); Dieselbe, «Goethe und wir» (Ebenda, 3/IV 1932); Dieselbe, «Goethe, der Mensch» (Ebenda, 10/IV) u. a.

¹³⁵ «Kommunistische Arbeiterzeitung», Organ der KAPD, 13 Jg., № 3, Berlin, März 1932.

¹³⁶ Viktor Grosshammer, «Kuno von Uachitta und Karlchen Marx: Kopfschüsse». Hanau-Frankfurt, Brüchenstube, 1932, S. 212.

¹³⁷ Paul Reimann, «Legendenbildung und Geschichtsfälschung in der deutschen Literaturgeschichte» («Unter dem Banner des Marxismus», 1930, Heft 2, S. 264—275; Heft 3, S. 376—400).

¹³⁸ «Das Goethe-Jahr» («Vorwärts». Kommunistisches Tageblatt für Nord- und Ostböhmen. Reichenberg, 12 März 1932).

¹³⁹ K. A. Wittfogel, «Zum 100 Todestag Goethes» («Internationale Pressekorrespondenz» № 23, 15/III 1932).

¹⁴⁰ Wittfogel, «Goethe» («Rote Fahne», Berlin, 22/III 1932; см. также статью в «L'Humanité». Deutschsprachiges Organ der K. P. Frankreichs. 22 März 1932).

¹⁴¹ 1) Paul Reimann, «Goethe im Lichte der marxistischen Theorie» («Der Rote Aufbau», V Jg., Berlin, Heft 9, 1 Mai 1932); 2) K. A. Wittfogel, Goethe—«Feir?» («Die Linkskurve», Mai 1932).

¹⁴² 1) G. Lucacz, «Der faschistische Goethe» («Die Linkskurve», Mai 1932); 2) Franz Lesdinitzer, «Wie die Sozialdemokratie «Furen» Goethe feiert» («Der Rote Aufbau», 1 Juni 1932, S. 521—523).